

Dom

Чем ближе она подходила к огневой точке, тем все больше сжималось сердечко от внутреннего напряжения. Щели амбразур, словно глаза какого-то сказочного монстра, наблюдали за ней. Она подошла к главному входу. Дверей уже не было. От них остались лишь массивные петли. Охотники за металлоломом постарались. Девушка протиснулась внутрь и прошла в полутьме извилистых коридоров в комнату, из которой была видна дорога...

Глава 1

Екатерина Еремина приезжала в этот городок не в первый раз. В Полоцке жили ее тетка Зинаида Васильевна и бабушка Рая. Мать периодически направляла ее провести родственников, так как сама по роду деятельности позволить себе такую роскошь не могла. Родители ее работали в министерстве и были, как говорят в народе, «важными птицами». Наверное, поэтому у них постоянно не хватало времени на родственников, на семью и ее саму. Деловые разговоры, постоянные телефонные звонки и суета. Сама Москва была пропитана этой суетой. Огромный город, вечно куда-то спешащий. Отсутствие родительского тепла компенсировалось материальными благами. Джинсы? Пожалуйста. Магнитофон, косметика? Ни в чем не было отказа. Престижный ВУЗ? Не проблема. Парочка звонков и она поступила в медицинский. Хорошее воспитание и материальное благополучие семьи определяли и круг знакомых. Среди них не было детей из простых семей. Это не приветствовалось. Элита. «Золотая молодежь». На календаре 1995 и вся страна погрузилась в какой-то хаос неопределенности и разочарования. Наверное, на фоне своих сверстников, которые в большинстве своем думали, как выжить, она действительно выглядела «золотой девочкой». Кроме того, как просто навестить родственников, ее «предки» преследовали и вторую цель, проветрить дочери мозги. Столица развращает неокрепшие души, особенно если за ними нет контроля со стороны родителей. Не то, чтобы мать вовсе не интересовалась ее делами, но делала она это как-то впопыхах, между телефонными звонками и во время семейного ужина. Катя не пустилась во все тяжкие, как можно было бы. Татуировка на груди в виде голубка и пристрастие к курению, это ведь не тяжкий грех? Если и грех, то его она искупала хорошей успеваемостью в институте. Оценки ставили не за глазки, а именно за знания. Вот с таким бэкграундом она и отправилась к тетке. Ехала, как и полагается людям с достатком, в купейном вагоне. Какой-то мужичок попытался подбить клинья, но Кате он был не интересен, и она сразу же пресекла попытки ухаживания. На вокзале с большими белыми колоннами, построенном в стиле советского монументального классицизма, ее встречал младший сын Зинаиды Васильевны Александр. С Сашкой у нее была небольшая разница в возрасте, всего в три года. Ему хоть и было только 17, но выглядел он постарше. Парень перехватил на перроне ее сумку и потащил к припаркованному на стоянке «жигуленку».

— Сам? Не боишься гаишников? — удивилась она отсутствию взрослых.

— На свои семнадцать я не тяну, это все говорят. К тому — же, мать в горсовете работает и знает лично начальника ГАИ, так, что за меня не беспокойся, — весело сообщил Александр. Тетка Зинка, что говорить, была при должности, муж ее Игорь Иванович слыл не последним человеком на местной автобазе. Пусть масштаб и не московский, но для Полоцка весьма весомо.

— Как доехала? — интересовался двоюродный братец, заводя машину.

— Нормально, — вытянула Катя ноги, устроившись на переднем пассажирском сидении.

— Погодка у вас вижу нормальная. В Москве дождало. Олька с курорта еще не вернулась? — поинтересовалась Еремина относительно сестры Сашки. С Ольгой они были одногодки и подружки, кроме того, что являлись двоюродными сестрами.

— Что-то у нее не сложилось с билетами, и она приедет из Крыма только дня через три.

Извинялась, что так получилось. Думала, что сама тебя встретит, а не вышло, — поделился информацией парень.

— Ничего страшного, Пусть отдыхает. Когда она еще в Крым попадет, — не особо огорчалась москвичка.

— А тебя, почему в Крым не пускают? Ты уже второй год у нас торчишь, — не совсем понимал Саня причину такой любви сестренки к Белоруссии.

— Что надоела? — скривила рожицу Катюша.

— Нравится мне у вас. Природа, спокойствие и моря не надо.

— Хм. Странно. Все отсюда рвутся, а ты сюда. Я бы с удовольствием поменялся с тобой местами. Давай ты в Полоцк, а я в Москву? — игриво предложил водитель.

— Погубит тебя столица. Там больше искушений и тетки рядом не будет. Кто тебя контролировать станет? — усмехнулась пассажирка.

— А тебя кто контролирует?

Еремина в ответ только вздохнула.

— Никто.

— И я так хочу.

— Хотеть не вредно. Уезжай отсюда и поступай куда-нибудь, — предложила она.

— Уедешь тут, — буркнул парень. Они перебросились еще парочкой фраз, чтобы поддержать беседу. Все это время Еремина рассматривала в окошко небольшой уютный городок, утопающий в зелени. Здесь даже дышалось по-другому, не то, что в пыльной и душной Москве.

Встречали ее как дорогую гостью. Накрыли праздничный стол. Приехала повидаться с ней и бабушка, которая тоже жила в городке. Посидели, поговорили, вспомнили былое. На следующее утро все разбежались кто куда. Работа, дела. Катя осталась, предоставлена сама себе. Чем заняться? Была бы дома Ольга, то они бы нашли себе применение, а так... Ничего лучше не придумать, как прогуляться по Полоцку. Город не сильно большой, но живописный. Главное, что здания невысокие и не надо задирать голову как в Москве, пялясь на высотки. Прошла по центру и свернула на живописную улочку. На перекрестке ее взгляд привлекла яркая монета, лежащая на асфальте. Сколько раз ей говорила мать, что ничего нельзя брать на перекрестках! А тут не удержалась, наплевав на все запреты, и подняла находку. Странная такая монетка, не наша. Выгравирован какой-то большой глаз и написано неизвестно что, но скорее всего на латыни. Покрутила в руках и бросила в карман. Остановилась возле кафе с интересным названием «Белый аист». Уютненькое кафе и время работы позволяло посидеть здесь вечерком. Плюс и к теткинскому дому идти недалеко. Взяла так сказать, себе на заметочку, и продолжила пешую экскурсию. Нагулявшись вдоволь, вернулась в квартиру родственников.

Вечером Катя заявила, что собралась в кафе. Запретить тетка не могла. Ей как ни как 20 лет и она в Полоцке не под домашним арестом, а в качестве гостьи. Сашка тоже было подвязался пойти вместе с ней, в качестве сопровождающего, но мать быстро остудила его пыл. Саня надул щеки и ретировался в свою комнату. Екатерина, приодевшись помоднее отправилась на вечерний променад. У «Белого аиста» толпилась молодежь. Парни с интересом посмотрели в ее сторону. Катя, гордо задрав носик, прошла мимо, вызвав неодобрительные шепотки у девичьей компании. Пока помещение полностью не заняли посетители, у нее была возможность выбрать столик. Заказав слабоалкогольный напиток для старта, она присматривалась к публике, которая стала заполнять помещение. Надо отдать

должное «Белому аисту», это не была забегаловка для «быков», в которые превратились многие подобные заведения, у посетителей еще были видны проблески интеллектуальной активности. Музыка играла вполне современная, что приятно удивила москвичку. Да и разговоры завсегда тае, обрывки которых ей доводилось слышать, не относились к разряду вульгарных или похабных, как было принято думать в столице о периферии. Подсаживаться за столик к одинокой девушке не спешили, хотя по взглядам она видела, что вызвала интерес у местных парней. Она заканчивала цедить через трубочку свой коктейль, намереваясь сделать заказ посерьезней, и перейти к более агрессивным действиям по отношению к публике, чтобы та, по достоинству оценила всю неотразимость московской барышни. Однако ее планы спутал импозантный мужчина лет 35, который держа в руке бутылку «Шардане» явно двигался в ее сторону.

— Свободно? — посмотрел он на стул. Еремина кивнула головой.

— Позвольте?

В ответ она только дернула плечиком. Мужчина уверенно уместился напротив и подал знак официанту, чтобы тот принес бокалы.

— Скучаете? Понятное дело, что Полоцк всего лишь маленький районный центр, а не Минск или на худой конец Витебск. Но вы явно не оттуда. И я бы даже сказал, что не из Беларуси, — начал разговор незнакомец.

— Это так видно? — удивилась приезжая гостя.

— Ну, конечно. Стиль одежды. Поведение.

— Поведение? Я, по-моему, еще ничего не сделала, чтобы судить о моем поведении, — ухмыльнулась собеседница.

— Пока не сделали. Вы только изучаете обстановку. Но вы ведь не для этого здесь? — озвучил свои наблюдения мужчина.

— Если исходить из вашей логики, то каждый, кто сидит в одиночестве и просто смотрит вокруг, должен быть приезжим?

— Не обязательно, — не согласился новый сосед по столику.

— У вас взгляд особый. Если я не прав и вы местная, то поправьте меня, — попросил он.

— Не знаю, что у вас за теория о взглядах, но вы угадали, я не местная, — призналась Екатерина.

— Москвичка? — не отводя взгляда, спросил незнакомец.

— Вы не экстрасенс случайно? — удивилась девушка такой наблюдательности горожанина.

— Здесь так много москвичек бывает, что вы отточили свое мастерство распознавания именно на них? Где Москва, а где Полоцк? Место далеко не курортное, что может сюда привлечь москвичей?

Мужчина приятно улыбнулся. Официант принес бокалы.

— Вот это я и хотел спросить у вас. Что вас привело в наш городок?

— Ну, знаете! — слегка возмутилась Еремина такому вопросу.

— Не хотите отвечать и не надо, — не настаивал собеседник.

— Обычно люди появляются у нас по нескольким причинам. Назову три наиболее распространенные, хотя их гораздо больше. Первая это работа. Судя по вашему возрасту, вы скорее учитесь, чем работаете. Значит, этот вариант не подходит.

Екатерина с интересом слушала незнакомца, забыв, что она пришла в это заведение,

чтобы развлечься. Он продолжал озвучивать свои умозаключения.

— Вторая причина, это родственники. Люди едут в Полоцк, чтобы навестить родных.

— А третья? — спросила Катя о последнем варианте, не сказав, что с родственниками он угадал.

— Третья? — мужчина задумчиво посмотрел поверх головы собеседницы.

— Люди ищут себя в этом мире. Хотят понять кто они и зачем здесь?

Еремина не удержалась от смешка.

— Полоцк это место силы? Мекка или Иерусалим? Не слишком ли для провинциального городка?

— Как сказать. У каждого своя Мекка. Может для кого-то и Полоцк святое место.

Москвичка снисходительно улыбнулась.

— В чем я был не прав? — хотел он услышать ответ девушки.

— С родственниками угадали, — подтвердила Катюша.

— Значит, до внутреннего самосознания вы еще не дошли? Кто вы? Для чего здесь? — слегка наклонился в ее сторону собеседник.

— Вы случайно не свидетель Иегова? — заподозрила неладное девица. Мужчина засмеялся.

— Оригинально! Никогда бы не подумал, что могу оказаться в подобной организации.

— Почему нет? Стиль похож. Завести беседу, напустить тумана и внести смятение в душу, — теперь уже Катя делилась своими наблюдениями.

— Вы думаете, я собираюсь обратить вас в свою веру? Согласен, что методы схожи, но место вербовки, прошу прощение за тривиальность, — он обвел помещение рукой.

— Это не автостанция и не вокзал, а кафе. Где вы слышали, чтобы свидетели ходили по кафе и ресторанам? — задал он закономерный вопрос.

— Тогда кто вы и что здесь делаете? — напрямую спросила девушка.

— Вижу, что пришло время для знакомства, — сделал свои выводы мужчина.

— Мое имя Виктор. Случайно зашел на огонек, чтобы скоротать досуг, а здесь увидел, столь прекрасную незнакомку и решил подойти, — озвучил он версию их случайной встречи.

— Если я докучаю своим общением даме, и она не желает находиться в моем обществе, то я немедленно покину ваш столик, — продемонстрировал свою воспитанность мужчина. Ереминой импонировало, что собеседник был явно старше ее, но он ни как не показывал это и вел себя достаточно галантно, чего трудно было ожидать от сверстников.

— Не стоит так радикально подходить к нашему общению, — не стала она прогонять собеседника.

— Слово дамы закон. Я так и не услышал вашего имени? — напомнил Виктор.

— Екатерина, — представилась она.

— Так строго и официально! Вы случайно не в педагогическом учитесь?

— Нет, — усмехнулась москвичка.

— В медицинском.

— Достоинно. Уважаю врачей. Кстати у нас городская больница имеет удивительную историю развития. Здесь работали светила медицины из самой Москвы, а во время войны был военный госпиталь, — блеснул Виктор знаниями истории о своем городе.

— Когда эта война была? За 50 лет о ней все забыли, — небрежно махнула рукой девушка.

— Иногда она напоминает о себе, — как-то загадочно произнес Виктор.

— Вы никогда не видели наших дотов? Их тут огромное количество. Это я, к примеру, если пожелаете ознакомиться с достопримечательностями. Но вижу, вас они особо не интересуют. Может быть и правильно. Давайте Катя выпьем за нашу случайную встречу, — предложил новый знакомый. После этих слов странная монетка найденная Катей на перекрестке, засветилась голубым сиянием, но его никто не увидел, так как она лежала у девушки в сумочке.

«Шардане» оказалось приятным на вкус. В зале зазвучала медленная мелодия, и мужчина осмелился предложить знакомой потанцевать с ним. В танце он держал себя уверенно и властно вел за собой партнершу. Выверенные движения, напор и инициатива очень понравились Ереминой. С таким партнером было приятно танцевать. Она и не ожидала, что вечер может пройти не в демонстрации своего морального превосходства над провинциальными девчонками, а как общение с приятным человеком. Они выпили еще по одному бокалу и мужчина, подвинув в ее сторону пепельницу, вытащил из кармана пачку сигарет.

— Здесь можно курить. Вы ведь курите?

— Если я из Москвы, то обязательно должна курить? — прищурился глазки, спросила гостья.

— Не хотел вас обидеть. Просто это стало модным, а мода всегда идет из столицы.

— Вы очень проницательный человек, — сделала ему комплимент Катя и потянулась за сигаретой.

— Можно и мне задать пару вопросов? — спросила она, прикурив от протянутой Виктором зажигалки. Он утвердительно кивнул головой.

— Где вы работаете и кем?

— В одной очень солидной фирме. Название оставим за скобками.

— Секрет? Тогда скажите хоть кем? — продолжала интересоваться Еремина.

— Продавцом желаний, — признался сосед по столику.

— Простите, кем? — переспросила Катя, не поверив в услышанное.

— Менеджер по продажам желаний. По-нашему продавцом желаний, — повторил Виктор. Девушка застыла с маской удивления на лице.

— Шутка? Вы шутник, Виктор.

— Если-бы, — тяжело вздохнул мужчина.

— Вам выпала честь купить одно желание, — сделал он предложение.

— Мне? Интересно за что? — восприняла Катя сказанное, как некую забавную игру.

— Скорее не за что, а почему? Это как розыгрыш в «Спортлото». Вы вытащили выигрышный билет.

В это время монетка вновь засияла голубым свечением.

— Интересно. И какой у вас ассортимент желаний? — иронично спросила она. Лицо собеседника оставалось беспристрастным.

— Различный. Если вы надумали заказать путевку в Крым, то это к турагентству, а не к нам. Хотите разбогатеть? Поможем с нужной работой. Хотите большой и чистой любви? Найдем подходящую пару, — перечислил возможные варианты собеседник. Катя вошла в роль и не отдавала отчета, что слова мужчины произнесены весьма серьезно, без доли иронии. Но разве такое могло быть правдой?

— А какие у вас наиболее востребованные желания? — продолжала она веселиться.

— Познать самого себя. Найти смысл в этой жизни. Достаточно сложные желания, — признался честно, так называемый продавец.

— Как расплачиваться? Желания, наверное, дорогие?

— Наша фирма не берет денег. Оплата производится эмоциями, а иногда и жизнью. Как кому повезет.

— Действительно дороговато, — хмыкнула Еремина.

— И что для этого надо?

— Просто ваше согласие, — коротко ответил Виктор.

— Вы меня просто заинтриговали. И сколько такое путешествие или желание длится?

— По-разному. Если хотите славы, то тут два пути. Идти по ступеням или подняться на лифте, вспыхнуть как новая звезда. Желаете разбогатеть? Лотерея или кропотливый труд, — начал пояснять сосед по столику.

— Я поняла принцип. Естественно и плата будет зависеть от выбранного варианта? — догадалась девушка.

— Совершенно верно.

— Вы показались мне серьезным человеком, но эти ваши шуточки.... Если хотите стать богатым, идите работать в банк и гните там спину лет двадцать, поднимаясь по профессиональной лестнице. А чтобы у вас это легче получилось, я продам вам мечту, — спародировала она продавца желаний. Он с укоризной посмотрел на девушку, а затем неожиданно рассмеялся.

— Вы меня раскусили. Шутка не удалась.

Он снова наполнил бокалы вином.

— Должен же я был как-то вас развеселить?

— Считайте, у вас это получилось! — засмеялась Еремина.

— Катя, пойдете танцевать, — вновь пригласил ее Виктор. Мужчина оставил тему желаний и во время танца рассказал партнерше несколько смешных анекдотов. Она громко смеялась, не обращая внимания, на недоуменные взгляды посетителей. Затем уже за столиком он рассказал ей несколько забавных историй. Катя была очарована этим таинственным мужчиной. Он просто вскружил ей голову. Если бы Виктор полез целоваться, то она бы не отказала ему в этом удовольствии, но он этого не делал, чем еще больше очаровывал бедную девушку. Понемногу молодежь стала расходиться и Екатерина поняла, что настало время расставаться. А она так много не успела спросить. Вот, например за девушку? Есть ли она у Виктора или нет? А вдруг не девушка, а жена? Хотя зачем ей все это? Она, что роман закрутить решила?

Они вышли на порог закрываемого кафе и закурили по сигарете.

— Хороший был вечер, — начала Катюша.

— И собеседник тоже, — повернулась она в сторону спутника.

Мужчина ласково посмотрел на молоденькую девушку.

— А у меня прекрасная партнерша по танцам.

— Никогда не думала, что так интересно проведу время, — призналась Еремина.

— Даже уходить не хочется.

— Не расстраивайтесь Катя. Давайте встретимся завтра, — предложил Виктор. Глаза у Катюшки загорелись. Она словно ждала подобного предложения.

— Завтра? Здесь? — чуть ли не плясала москвичка.

— Вечером у меня не получается. Работа. Давайте часиков в 12 дня. Хочу вам

предложить загородную поездку на Двину. Покупаемся, пожарим шашлыки. Все необходимое с меня. От вас только хорошее настроение и купальник.

— Я согласна. Где встретимся? — не стала упираться Катюша.

— Я заеду за вами.

— Откуда вы знаете, где я живу? — насторожилась девушка.

— Надеюсь, вы разрешите, чтобы я вас проводил, тогда и буду знать. Время позднее, я за вас переживаю.

Насчет времени он был прав. Предложение Виктора было рассмотрено в позитивном ключе. Пока они добрались до дома тетки, мужчина успел рассказать несколько анекдотов, а вот целоваться так и не полез. Культурный очень. Это хорошо или плохо, Катя еще сама для себя не решила. Она почти зашла в подъезд, когда Виктор окликнул ее.

— Катя, так как быть с желанием? Вы определились?

— Вот же шутник! — подумала Еремина.

— Пусть будет самое сложное, — весело крикнула она.

— Так вы даете согласие? — не отставал мужчина.

— Даю! — ответила девушка и порхнула в подъезд. Монетка вспыхнула вновь.

Тетка не спала, дожидаясь полуночицу из Москвы. Она недовольно забухтела, почувствовав от племянницы запах сигарет. Напомнила гостье о позднем времени и о том, что кому-то завтра рано вставать, чтобы идти на работу. Ох, уж эта столичная молодежь! Своим бы она устроила настоящую трепку. Ради приличия спросила, где та была и получила в ответ на свой дежурный вопрос бурю эмоций в ответ. Девчонка явно была чем-то взволнована, а пускать все на самотек Зинаида Васильевна не привыкла. Они переместились в кухню, где в процессе выслушивания племянницы, тетя успела пригубить рюмочку коньяка, для лучшего восприятия рассказа. Как человек умудренный опытом она не испытывала той эйфории в которой пребывала гостья. Что за мужик? Откуда взялся? Где работает? Чего хочет? Казалось бы простые вопросы, на которые она так и не получила вразумительных ответов. А тут еще эта поездка за город. Хоть о маньяках в их районе не сообщали, но быть, настороже не помешает. Запретить эту встречу она не могла. Эмоциональное состояние девочки не то, что надо. Еще глупостей каких-нибудь совершит. Но и контроль ослабевать нельзя. Вот тут-то, пожалуй, Сашка и пригодится. Он давно мечтал, куда-нибудь выскользнуть из-под материнской опеки, вот пусть с Каткой и съездит. За сестрой двоюродной присмотрит и отдохнет на природе заодно. Девушка была не в восторге от такого решения тетушки. Но не ссорится же? Да и Сашка мог обидеться. Она от этой поездки сама-то чего хотела? Обнимашки, целовашки? А дальше? Тетка ведь верно спрашивала, кто он такой этот Виктор, и чего хочет? Сначала надо это понять, а потом обо всем другом думать. С такими мыслями и легла спать.

Разбуженный матерью Сашка, ни как не мог взять в толк, о каком пикнике идет речь? Куда надо ехать и зачем? Только после властного окрика матери до него стало доходить, о чем шла речь. Логику мамани было трудно понять. Как пойти с сеструхой в кафе, так нельзя, а на шашлыки можно! В этом случае, Зинаида Васильевна даже поощряла, его роль сопровождающего. Непонятно, как к этому отнесется сестра?

Катя отнеслась с пониманием, и ни на кого зла не держала. По большому счету семейство Новиковых переживало за нее и пыталось оградить от возможных неприятностей. Виктор подъехал ровно в 12 часов. Пунктуальный словно немец. Появление рядом с Катей юноши крепкого телосложения вызвало у него лишь ироническую усмешку.

— Познакомьтесь, это мой двоюродный брат Александр, — немного смущаясь, произнесла Еремина.

— Вы не против, если он поедет с нами? — переживала Катя.

— Конечно, нет. Места в «жигулях» хватит и мяса я приготовил достаточно. Виктор, — протянул мужчина руку в сторону Сани. Они обменялись рукопожатиями.

— Прошу в машину, — предложил Виктор и Сашка не подумав, плюхнулся на переднее сидение, будто-бы это у него было свидание. Катюша недовольно хмыкнула и устроилась сзади. Чтобы не ехать, словно в общественном транспорте, Александр затеял непринужденную беседу. Как-то незаметно инициатива перешла в его руки, и он задавал тематику общения. По заданию тетушки, парень пытался выяснить, что собой представлял ночной знакомый Екатерины. Виктор ловко уходил от ответа, заставляя собеседника задавать еще больше наводящих вопросов. Роль Кати сводилась к тому, чтобы поддакивать там, где это было необходимо. Уже за городом Еремина увидела, что собой представляют хваленые доты. Серая бетонная громада располагалась чуть поодаль от шоссе, но с таким расчетом, чтобы контролировать дорогу через темные провалы своих бойниц. На какой-то миг разговор в машине затих.

— Знаменитый Полоцкий укрепрайон, — заговорил Виктор.

— Это конечно не Брестская крепость, но, тем не менее, наш город задержал танковую армию Гота до 19 июля 1941 года. Здесь овеяла себя славой 22 армия и непосредственно 174 стрелковая дивизия, которая была ее основой. Об этом доте, — он кивнул в окно в сторону укрепления.

— У местных ходит легенда. Его называют дотом «Призрачного Лейтенанта». Во время штурма немцами города им якобы командовал какой-то лейтенант. Когда наши части под натиском врага отошли, ДОТ продолжал сражаться и замолчал лишь после того, как погиб последний его защитник. Спросите почему «Призрачного лейтенанта?» Водители, проезжающие по трассе, особенно ночью, много раз слышали, как строчит пулемет из этих амбразур. Некоторые местные, которые посещают укрепление, слышали странные голоса и видели призрака военного в форме лейтенанта.

— Вы любите историю? — дивилась Катя разносторонности Виктора.

— По роду деятельности иногда сталкиваюсь, — туманно ответил он.

— Вот уже два года здесь работают поисковики, ищут останки защитников Полоцка. У этого дота, я тоже видел ребят из их группы. Кстати, тут нам и сворачивать к реке, — объявил водитель. Автомобиль скатился по грунтовке прямо к Западной Двине. Судя по наезженной дороге, здесь частенько останавливались туристы. Следы от костра говорили сами за себя. Ребята принялись доставать из багажника все самое необходимое для приготовления шашлыка. Катя, чтобы им не мешать, спустилась к кромке воды и опустила в нее руку. Теплая. Можно купаться. Значит не зря приехали. Она взяла купальник и покрутила головой вокруг. Местность открытая и переодеться можно было только у оборонительного сооружения, доминировавшего над местностью или в камышах. Забираться в заросли девушка не захотела, поэтому решила пройти к трассе.

— Ты куда? — поднял голову Сашка. Она показала ему свой купальник.

— Пойду, переоденусь и заодно посмотрю ваши достопримечательности.

Чем ближе она подходила к огневой точке, тем все больше сжималось сердечко от внутреннего напряжения. Щели амбразур, словно глаза какого-то сказочного монстра, наблюдали за ней. Она подошла к главному входу. Дверей уже не было. От них остались лишь массивные петли. Охотники за металлоломом постарались. Девушка протиснулась внутрь и прошла в полутьме извилистых коридоров в комнату, из которой была видна дорога. Деревянная массивная станина для пулемета, трубы вентиляции, толстая броневая заслонка на амбразуре, создавали впечатление мощи этого объекта, и лишь осыпавшаяся штукатурка и надписи на стенах, не всегда приличные, давали понять, что эта мощь осталась в былом. Катя посмотрела в бойницу. От реки широкими волнами быстро надвигался густой туман. На это явление природы не было и намека, когда она покидала берег реки. Этот туман вызвал у нее какой-то панический страх. Она боялась оставаться одна в этой непроглядной каше, да еще и в каком-то бункере. Еремина двинулась обратно, но споткнулась и упала. Не мудрено и упасть при таком освещении, зацепившись за кусок торчащей из пола арматуры. Ей показалось, что она на какое-то мгновение даже потеряла сознание. Когда выходила обратно, то через открытую дверь сияло солнце. Странно?! Солнце и главная дверь! Ни того, ни другого, пять минут назад не было и в помине. Пришлось прикрыть глаза рукой, чтобы так не слепило.

— Стой! Стрелять буду! — рявкнул рядом чей-то перепуганный голос. Она сфокусировала взгляд. Перед ней стоял парень в непонятной военной форме с винтовкой наперевес.

— Отставить Сидоров! Ты, что в девку решил пальнуть? — появился и второй человек, в таком же одеянии. Тут что кино снимают? — мелькнуло у нее в голове. Ни каких камер видно не было.

— Ты, что в ДОТе делала? — более строго спросил ее немолодой усатый мужчина.

— Сержант Петренко, что тут у вас происходит? — вынырнул неизвестно откуда, еще один военный. Принимая во внимание командирскую интонацию голоса и небольшое различие в форме одежды, можно было сделать вывод, что он тут самый главный, хотя по возрасту уступал другим. Розыгрыш? Скрытая камера? Что это, в конце концов? — не могла понять Еремина, что происходит на самом деле. Когда от дороги послышались еще голоса, и она увидела грузовик, который постоянно показывали в военных хрониках, она по-настоящему испугалась. Это, судя по всему, были красноармейцы, и значит, она оказалась в прошлом. Могло такое быть? Нет, конечно! Это противоречило всем законам физики. Но, не будет же «Беларусфильм» отправлять группу ряженых, чтобы разыграть приезжую москвичку? Кто она такая? И самое главное дверь в этот злополучный дот. Ее ведь не было, а теперь она висит как новенькая. Такое не подделаешь.

— Товарищ лейтенант, рядовой Сидоров обнаружил в ДОТе дівчину, — с украинским акцентом доложил усач.

— Кто такая? Как очутилась на военном объекте? — потребовал пояснений лейтенант, еще не окрепшим мальчишеским голоском. Катя лихорадочно думала, что ответить. Ситуацию с перемещением во времени она будет анализировать потом, сейчас необходимо сказать что-то правдоподобное. По урокам истории она помнила, что в Сталинские времена особо с людьми не церемонились. Брякни она о путешествии во времени и где окажется?

Страшно и подумать!

— Мы с ребятами рыбу ловили, а тут дождь начался. Я решила спрятаться в бункере, а мальчишки уехали, и бросили меня, — выдавила из себя Катя, как можно жалостливей.

— Нашла где прятаться! Это же военный объект. Рядовой Сидоров, а ты где был? Зачем сюда поставлен, если у тебя гражданские люди по объекту, словно по дому гуляют? — наскочил лейтенант на подчиненного.

— Так, ни какого дождя не было, — неуверенно стал оправдываться солдатик.

— Проспал! — пригрозил кулаком рядовому Петренко. Тот понуро опустил голову. Наверняка подобное с ним и впрямь случалось.

— А если шпиен проберется, а ты спишь? Как такому можно что-нибудь поручить? — насмеялся над бойцом сержант.

— Что с дівчиною робить будемо? — ждал Петренко дальнейших указаний.

— Документы есть? — напустил на себя строгости командир. Ну, какие у нее документы?

— Сидоров проверь, ничего она там не оставила?

Часовой метнулся внутрь дота и появился с купальником в руках. Слава Богу, что пакета не нашел! — благодарила Еремина высшие силы, представляя, сколько бы вопросов возникло у военных относительно пакета.

— Смотрю вы барышня не простая. Ногти накрашены, в ушах золотые серьги и платице не дешевое. Явно не пролетарского происхождения.

Вот она классовая ненависть, над которой Екатерина потешалась, свысока относясь к сокурсникам из бедных семей. Воздалось, что говорится со сторицей.

— Родители чай не рабочие? — начал следствие лейтенант.

— Служащие, — призналась девушка.

— В Москве в министерстве служат. Я здесь у тетки в гостях.

— В Москве?

Услышав слово, Москва парень поправил пилотку и одернул гимнастерку.

— Значит, приезжая и документов нет?

— Так вот, товарищ лейтенант, — протянул Сидоров в его сторону находку.

— Рядовой Сидоров, что вы мне женские трусы тычете? — возмутился командир.

— Сами же сказали, чтобы я посмотрел, — пробормотал солдат. Сержант Петренко взял вещички у рядового и отдал их девушке.

— На фотоаппарат не похоже. Может, отпустим барышню? Ну и шо, что ногти накрашены? Сережки тоже, вроде как не запрещены, — явно благоволил к ней Петренко.

— Мы шо, будем сдавать ее в комендатуру? Оконфузимся по полной. Представляете, что в батальоне говорить станут? Лейтенант Володин, девок по пляжу ловит и в комендатуру свозит. Делать ему, что ли нечего? — решил по-своему надавить на начальство сержант.

— Вы тезисы товарища Сталина о классовой борьбе читали? Партия требует проявлять бдительность. Кругом замаскированный враг, — высокопарно заявил Володин.

— Как бороться с девками, я и без товарища Сталина знал. Вот тебе и классовая борьба, особо на сеновале, — издевался Петренко.

— Мы и так проявили пролетарскую бдительность и проверили даже нижнее белье. А если еще и с Москвой маху дадим, то кто-то получит по шапке, — сказал сержант и недвусмысленно посмотрел в сторону лейтенанта.

— Ну, хорошо. Можете быть свободны, — смилостивился лейтенант. Еремина

негнушимися ногами зашагала в сторону шоссе. Сзади нее о чем-то спорили лейтенант и Петренко.

— Пойдите! — окликнул ее Володин. У девушки оборвалось все внутри. Все, пропала!

— Мы можем вас подбросить до города, — вместо слов об аресте предложил командир Красной Армии. Отказаться было нельзя. Молодой начальник вместо того, чтобы занять место в кабине грузовика залез в кузов и протянул руку москвичке. Петренко смахнул пыль с лавки, и Еремина устроилась между сержантом и Володиным. Полуторка затарахтела мотором и не спеша вырулила на шоссе. Сказать, что девушка была в шоке, это ничего не сказать. Оказаться неизвестно в каком году, это еще то приключение. То, что это Советский Союз раннего периода понятно, если уходить от разговоров на политические темы, то продержаться можно, но отсутствие документов и денег очень осложняли ее положение.

— Как вас зовут? — не стал играть в молчанку молодой военный.

— Катя, — представилась она.

— Лейтенант Володин, можно просто Сережа. Вы Катя, на меня не обижайтесь. Сейчас время такое. Надо быть идеологически подкованным и следить за политической обстановкой в мире. Международный империализм во главе...,- начал урок политпросвещения красный командир, но едкое замечание Петренко остудило его пыл.

— Товарищ лейтенант, что вы, в самом деле? Мы же не на митинге. Поговорили бы о чем-то другом.

— Вот так всегда! Пожалуюсь я на вас, Петренко, нашему политруку. Дремучий вы человек. Пусть он вас просветит немного, — возмутился Володин, но тему все же сменил.

— Вы в Москве, где живете?

Хороший вопрос, особенно если живешь в Черемушках. Что ответить?

— В Марьиной Роще, — назвала Катя район столицы, о котором знали многие, даже не москвичи.

— Слышал о таком, — кивнул парень.

— Учитесь или уже работаете?

— Учусь, в медицинском институте, — обозначила свой статус Еремина.

— И как у вас относятся к этим элементам буржуазной культуры? — посмотрел парень на ее ногти и серьги в ушах. Катерина подогнула пальцы.

— Вы комсомолка?

Эта участь ее миновала, и она ни сколько об этом не жалела.

— Я не комсомолка. Не доросла до этих высот, но стремлюсь, — назвала Катя программу «минимум» на ближайшее время. Если тут застрять, то и в партию придется вступить. Сержант, уловив сарказм в ее голосе кашлянул, а Сережа Володин все принял за чистую монету. Затем спросил о мавзолее Ленина. Была ли там Катюша? Видела ли товарища Сталина? Она ведь москвичка, а все митинги и демонстрации зачастую проходят на Красной площади. Еремина изворачивалась, как уж на сковороде, чтобы отвести от себя любые подозрения. Так, как она врала этому молоденькому лейтенанту, она не врала даже своим педагогам в институте. Девушка только и думала, что скорее бы они приехали, чтобы проститься с докучливым военным. Когда грузовик въехал в черту города Катя, поняла, что ее приключения только начинаются. По внешнему виду военных и направленности вопросов Сережи, девушка догадывалась, что очутилась в тридцатых годах двадцатого века, но в каком конкретно еще не разобралась. Полоцк начала 20 века и 1995 имели огромные отличия. По

сути, тот Полоцк можно было назвать большой деревней. Наряду с кирпичными постройками здесь основную массу территории занимали деревянные срубы. Если центральные улицы имели твердое покрытие, то все второстепенные дороги были грунтовыми. Для глаз Кати все выглядело очень убого. Полуторка притормозила возле центральной площади. Девушка поняла, что ей надо выходить. Вот весь вопрос куда? Сержант заметил ее замешательство, но расценил его по-своему.

— Товарищ лейтенант, вы бы проводили девушку.

Володин бы и сам был не против провести время с красивой москвичкой, но как это сделать он не знал.

— Но нам еще на склад попасть надо, — придумал он не существующую проблему, стесняясь воспользоваться предложением Петренко.

— Какой склад в субботу? У начальника склада выходные, а без него никто ничего не выдаст. В лучшем случае надо будет туда ехать в понедельник. Так, что у вас два дня в запасе. В батальоне, тоже никого, — тонко намекал сержант, что парень смело, может поухаживать за девушкой, и никто его искать не станет.

— Ну, смотри мне Петренко, чтобы в подразделении все было в ажуре! — пригрозил Володин пальцем своему подчиненному и спрыгнул с борта грузовика, чтобы подхватить Екатерину. Сержант только улыбнулся. Машина уехала, и они остались на дороге вдвоем.

— И где вы живете? Разрешите, я вас провожу домой?

— Чего туда спешить? Тетка у меня в суточном дежурстве в больнице. Может, просто погуляем? — выкрутилась Катя. Куда она поведет военного? Хорошо, что узнала от сержанта, какой сегодня день недели. Еще бы месяц и год узнать. Парень был в восторге от предложения знакомой. Он даже такого и не ожидал.

— Я в Полоцке впервые, так что жду ваших предложений, — отдала она инициативу в руки командиру Красной Армии. Он был рад стараться. Культурная программа была насыщенной. В городском парке потанцевали под звуки духового оркестра, городской пожарной команды. Кате пришлось освежить в памяти уроки танцев относящихся к вальсу. На своем выпускном она танцевала его. Здесь это был самый популярный танец. Сережка, как партнер не чета Виктору. Неуклюж и стеснителен. Полоцкие девчата косо посматривали на неизвестно откуда взявшуюся модницу, в красивом шелковом платье. Местная легкая промышленность предпочитала в своих изделиях использовать ситец. Даже платья не из столь дорогого материала, выглядели достаточно мило, в сочетании с белыми носочками на ногах представителей слабого пола. Военных на танцевальной площадке хватало, но в основном это были рядовые. Кате посчастливилось очаровать младшего офицера, поэтому в ее сторону и бросали завистливые взгляды потенциальные конкурентки. Для Ереминой все происходящее смахивало на кадры какой-то художественной киноленты довоенного периода. Косички, платочки, носочки, оркестр играющий вальс «На сопках Манчжурии». Неужели это все происходит с ней? Когда же закончится этот сон? Потом они ели мороженное, с неповторимым вкусом фисташки. Она такого никогда в своей жизни не пробовала. Катя как могла, оттягивала момент, когда настанет время прощаться. Парень украдкой доставал из кармана часы-луковицу и посматривал на время. Ей не куда было спешить, она наслаждалась жизнью, пока это было возможно. Покатались на качелях, и Сережа пригласил ее в кино. Вот тут для Кати наступило прозрение. Не от вида дома, который претендовал на звание кинотеатра, а от афиши на его стене. Вернее даже не самой афиши, а дате, которая стояла под ней. Суббота 21 июня 1941 года. У Ереминой перехватило

дух. Завтра начнется война! Знают ли эти улыбочивые люди, что их ожидает 22 июня? А, что будет с ней самой? Куда бежать, что делать?

Когда Володин безудержно смеялся над комедией «Веселые ребята», она тайком вытирала слезы с глаз. Люди всегда хотели знать будущее, но приносят ли такие знания радость? Она знала, что завтра начнется война, но ничего изменить не могла и даже сказать об этом была не в праве, ради собственной безопасности. Солнце закатилось за горизонт, и добропорядочная девушка давно бы попросилась домой, но Кате идти было не куда. Они устроились на лавочке на берегу Двины. Сережка рассказал все о себе. Где вырос, как попал в РККА, есть ли у него девушка. Даже под страшным секретом поведал, что они делали у законсервированного дота. Простой советский парень с запудренными пропагандой мозгами о классовой борьбе и прочих политических шаблонах. Но это даже не его вина, время было такое. Когда его круглые часики с откидной крышечкой показали полночь, он решительно засобиравшись в часть. Что его могло остановить? Только поцелуй девушки. Она сделала это сама. Впилась ему в губы, обхватив руками шею. Лейтенант был ошарашен таким напором. Почему так поступила? На это было две причины. Первая, не сидеть же самой на лавке до утра? Так и милиционер мог подойти и попросить документы, которых у нее не было. Вторая причина, это жалость. Сережка молодой не целованный лейтенантик, которому возможно предстоит погибнуть в предстоящей смертельной круговерти, так и не испытав, что такое девичий поцелуй. Она одарила его такой радостью, как одаривает королева своим вниманием вассалов. Кстати, целоваться он не умел. Время до утра у нее еще было, чтобы заполнить этот пробел в обучении. Володин оказался прилежным учеником и даже с инициативой, если судить по его рукам, тискающим грудь Екатерины. Большого она ему все равно не позволит, но и лишать этого удовольствия не станет. От признания в любви до похода в ЗАГС их отделил гул самолетов. Такой глухой, надрывный. Явно летели груженные. Девушка даже знала кто. Сергей снова достал часики. Начало пятого.

— Учения что ли? — недоумевал Сергей.

— Летят от границы, — тут же он сам засомневался в своих словах.

— Это не наши, — уверенно ответила Еремина.

— Вы, что в самолетах разбираетесь?

— Возле нас Тушино. Мы всегда бываем на авиационных представлениях. Это немецкие самолеты.

Аргумент с Тушино прошел.

— Провокация? — последовала следующая версия.

— Нет, Сережа, это война! — с такой уверенностью в голосе произнесла девушка, что он больше и не переспрашивал. Володин сорвался с места и побежал к расположению части.

Полоцк не бомбили. Здесь не было больших воинских частей. Немцы наверняка хотели сохранить для себя этот транспортный узел. Утром город ожил. Люди собирались группами и переговаривались, озираясь по сторонам. Уличные динамики сообщили, что в полдень выйдет важное правительственное сообщение. К двенадцати часам у всех динамиков города собрались толпы горожан. То, что она когда-то слышала по телевизору, теперь Катя слушала собственными ушами. Молотов обращался к советскому народу, сообщая о начале войны. Эти слова, звучащие из радиоточки, застывшие суровые лица людей, вся атмосфера заставляла, чтобы мурашки бегали по коже. Если рабочие и колхозники пытались осмыслить услышанное, то Катя упорно думала об одном, что делать? Как отсюда бежать? Первым делом отправилась на вокзал. Двухэтажное здание из красного кирпича уже было занято

пассажирами. Люди толпились на перроне, ожидая хоть какого-нибудь поезда. Когда пришел скорый, Екатерина залюбовалась паровозом, который пыхал паром и шумел, словно живое существо. Для основной массы ожидающих граждан не было времени любоваться техникой. Начался настоящий штурм пассажирских вагонов. Взрослые и дети, мужчины и женщины, чемоданы, баулы, собачки, кошечки. Все смешалось. Проводники отбивались, как могли, пытаясь в первую очередь пропустить пассажиров с билетами. Несколько милиционеров взывали толпу соблюдать порядок, но призывы к разуму, оставались лишь призывами. От работников станции стало известно, что самолеты разбомбили поезд, идущий из Бреста. Такая информация лишь подливала масла в огонь. Катя поняла, что по железной дороге без денег и документов ей не уехать. Мало того, ей очень хотелось есть. Несостоявшийся шашлык остался в далеком 1995 году. Сейчас она была бы рада и краюхе хлеба. К сожалению, делиться провиантом с ней никто не собирался. С этой толчей она выбралась в город. Полоцк, встретил ее длинными очередями в магазины и лавки. Выгребали все, керосин, соль, сахар, спички. Она попыталась попросить хлеба, но натолкнувшись на гневные высказывания в свой адрес, оставила эту затею. Так и побрела по улице голодная и не выспавшаяся. Деревянные домишки, перекошенные заборы и суетливо бегущие люди. Уставшая девушка присела на бревно, лежащее у тротуара, служившее здешним хозяйкам местом посиделок. В животе бурчало. Никогда бы не подумала, что чувство голода бывает таким ужасным. Девочка подросток набирала из колодца воду в два больших ведра. Когда она их подняла, то у Кати создалось впечатление, что девичьи ручонки вытянулись до самых колен. Красная от натуги девчонка тащила эти ведра, по одному ей известному маршруту. Еремина остановила подростка.

— Давай помогу.

— Не надо, я сама, — пыхтела горожанка.

— Давай, давай, — перехватила одно ведро москвичка. Вдвоем они нырнули в облезшие ворота одного из срубов на улице. Здесь женщина в деревянном корыте полоскала белье.

— Это кто с тобой? — строго спросила она у дочери.

— Я, Катя, — представилась Еремина.

— Мой поезд немцы разбомбили, — соврала девушка, не зная, какую легенду придумать.

— Скорый из Бреста? — не то спросила, не то просто сказала женщина. Об этой трагедии знал уже весь Полоцк. Оставалось только подтвердить. Хозяйка поменяла воду в корыте, чтобы завершить стирку.

— Городская, наверное? — поинтересовалась женщина, оценив стиль одежды и внешний вид гостыи. Катя спрятала руки за спину. И дались им всем мои ногти?

— Из Москвы. Домой от тетки возвращалась и под бомбежку попала, — на ходу сочиняла Еремина.

— Прямо из столицы? — не останавливая работу, спросила белоруска.

— Из нее самой, — вздохнула путешественница во времени.

— И куда теперь?

Хороший вопрос, на который ответа у нее пока не было.

— Не знаю, Документы в вагоне сгорели. В чем была, в том и выскочила. Пока переночую на вокзале, а там посмотрим.

Тут залаял ранее молчавший пес, и над забором появилась голова небритого мужчины.

— Ну, что Дарья, кончилась ваша власть? Придет немец и за все спросит. Всем раздаст

по заслугам, — зло спросил незнакомец.

— Чему радуешься Паша? Легче тебе станет, коль фашист на нашу землю ступит? Это мы еще посмотрим, кто кого, — тоже далеко не радостным голоском ответила хозяйка.

— Я порадуюсь, когда увижу своих обидчиков с петлей на шее.

— Рано ты Советскую власть хоронишь, — не рада была женщина этому визиту.

— Не выстоят комуняки супротив германца. Кишка тонка, — противно засмеялся визитер.

— А это что у тебя за краля? — облизнулся мужик, что кот на сметану, при виде Екатерины.

— Ступал бы ты своей дорогой, а то ведь пока немца дождешься, Советская власть и к стенке поставить может, — с угрозой в голосе произнесла Дарья.

— Она только это и научилась делать, Ничего, придет и наше время, — обронил незванный гость и скрылся из вида.

— Кто это? — перепугано спросила Катя.

— Пашка Круглов. Недавно только освободился. Мерзкий тип. Такому лучше на пути не попадаться, — просветила гостью хозяйка.

— Так я пойду? — не совсем уверенно спросила Еремина. Хозяйка выкрутила белье и, бросив его в миску, протянула емкость визитерше.

— Куда ты пойдешь? Опять на вокзал? Вот там тебя и будут ждать, такие как Пашка.

Дарья пошла к бельевой веревке, а следом Катька.

— Останешься переночевать у меня. Завтра видно будет. Ты хоть ела что-нибудь? — позаботилась о госте женщина.

— Уже два дня ничего.

Мороженное она не считала. Разве это еда? Дарья пригласила ее в хату. Здесь за большим столом устроилась все семейство, младший сын Петя, дочка Рая, Дарья и Екатерина. Не хватало только хозяина. Тот был на работе. Москвичке насыпали тарелку борща и вручили деревянную ложку. Это был самый вкусный борщ, который она когда-нибудь ела. Еремина попыталась как-то отблагодарить хозяйку за кров и старалась помочь, чем могла. Правда получалось, что она больше путалась под ногами, чем помогала. Чтобы не докучать хозяевам осталась в доме сама. Теперь можно было ознакомиться с бытом советской семьи времен Великой Отечественной войны. Знакомство она начала с большой рамки под стеклом, под которым размещались семейные фотографии различных поколений. А еще в доме присутствовал портрет Ленина. Икон не было, а Ленин был. С религией насколько помнила Екатерина из курса истории, тогда боролись, но коль в доме присутствовал портрет вождя мирового пролетариата, то, наверное, хозяин состоял членом партии. Других версий у Кати не было. Вечером Дарья предоставила ей миску с водой для умывания и указала место ночлега, на металлической кровати, с пуховой периной и большими подушками. Еремина никогда в Москве и не подумала бы, что можно мыться в миске с водой и вместо того, чтобы просто поменять нижнее белье, его придется простирнуть, чтобы потом надеть чистым. Добавив к стираным вещам на веревке и свои, она вернулась домой, где ей вручили, хоть и старую, но чистую ночную рубаху. Это конечно не комбинация, но тоже подойдет. Детвора оказалась глазастой и заметила на груди у москвички татуировку голубка, о чем долго шушукалась, смущая Катерину. После приключений в старом-новом Полоцке девушка думала, что уснет, едва коснувшись головой подушки, а нет. Пришло время проанализировать ситуацию. И как не крути, центром всех

событий являлся Виктор. Эти его странные слова о продавце желаний. Он ведь так настаивал, чтобы она дала свое согласие. Но разве могут быть продавцы желаний? А попасть на 54 года назад можно? Выходило, что в этом мире нет ничего невозможного. Следующий и самый главный вопрос, насколько она здесь? За желания платили эмоциями и возможно даже жизнью. Второй вариант ей явно не подходил. И зачем она выбрала самый трудный вариант? Как можно найти себя и предел своих возможностей? По каким критериям об этом судить и кто будет это делать? Ну, например, поймет она свое предназначение в этом мире, а дальше? С этими мыслями и уснула. Разбудили выстрелы. За окном ночь, но луна светила достаточно ярко. Домочадцы приникли к окнам, прислушиваясь к происходящему за стенами дома. Дарья задернула шторы и немного взволнованным голосом приказала: «— Всем спать».

Утром, выдав детворе задания ушла. Рая возилась у плиты, пытаясь разогреть утюг, которым собиралась гладить белье. Петька подметал в доме, а Катя чистила картошку, но это у нее не очень-то получалось. Раиса, завершив с печью, пока на ней грелся утюг, подсела к москвичке, чтобы помочь с картошкой. Девочка оказалась разговорчивой. Они быстро нашли общий язык. Рае было интересно, как живут люди в Москве, а еще она хотела посмотреть на «голубка» на груди у гостыи. Эту идилию нарушила хозяйка, вернувшаяся с улицы. Дети, ждали, что она скажет.

— Сторожа в 35 магазине убили, а сам магазин ограбили. Милиция только, что приехала. С картошкой я сама разберусь. Ты давай белье, снимай, оно уже высохло, — дала она новое задание Катюше.

— Катька, скажи, только честно. Ты сидела? — акцентировала Дарья Петровна внимание на гостье.

— Нет, — удивилась Еремина такому вопросу.

— Тогда откуда татуировка? И вещи у тебя странные. Кто ты такая?

— Студентка я. Родители у меня в министерстве работают, — не стала врать девушка.

— Из старорежимных стало быть? А я то — смотрю, что не наших кровей. Эх, столица!

В чем Дарья корила столицу, было непонятным. Может, Москва виновата, что давала возможность существовать не только пролетариату и идейным коммунистам, но и простым людям? Снова эта классовая ненависть.

— Выгоните? — догадалась Еремина.

— За кого ты меня принимаешь? — даже обиделась хозяйка.

— Народ разный бывает, и ежели мы всех будем гнать и по тюрьмам сажать, то кто страну поднимать станет? Оставайся, еды и крова на всех хватит.

Катя вышла во двор, чтобы снять белье. Собака радостно завизжал, виляя хвостом. Скрипнула калитка и к дому проследовал коренастый мужчина в форме железнодорожника. Он остановился у порога и с интересом посмотрел на городскую девушку. Мужчина нырнул в дверной проем. В срубе послышались радостные возгласы, а затем крик девчонки. Так могли кричать только от боли, но не от радости. Еремина поспешила в дом. Семейка склонилась над плачущей девочкой.

— Что случилось? — не поняла Еремина причины такого поведения Раи.

— Утюгом обожглась, — прояснила ситуацию мать. Москвичка бросила одежду на кровать.

— Дайте миску и холодной воды, — по-деловому приказала гостыя. Она поливала место ожога холодной водой, при этом свободной рукой поглаживая пострадавшую по голове.

— Бинт имеется?

Как ни странно, но требуемый материал был ей предоставлен. Перебинтовать руку девчушки особого труда не составляло. Катя уловила пристальные взгляды взрослых, наблюдавших за ее умелыми действиями.

— Я в медицинском институте учусь, — поспешила она пояснить наличие профессиональных навыков.

— Кто это? — пришло время поинтересоваться главе семейства.

— Пассажирка разбомбленного скорого поезда из Бреста, — пояснила хозяйка.

— Сама из Москвы. Документы сгорели, — словно оправдывалась Дарья Петровна.

— Приняла ее у себя. Пусть поживет.

Муж по этому поводу и не возражал. Как только Рая успокоилась, хозяйка начала суетиться, собирая на стол и попутно докладывая последние новости. И без того суровое лицо Ивана Афанасьевича, именно так звали хозяина дома, все больше хмурилось.

— Дарья, уезжать тебе с детьми надо, — объявил глава семейства.

Женщина, обескураженная таким заявлением, присела на лавку.

— Чего это ты надумал? Куда уезжать?

— В эвакуацию. Сейчас об этом только и речь, — ответил Иван Афанасьевич.

— И куда же я с детьми? Тебя-то не отпустят.

— Не отпустят. Сама знаешь, где работаю. А ты поезжай. Я уже обо всем договорился. Сегодня вечером отправляют эвакуационный поезд. Я с начальником поезда договорился, и он вас пристроит, — раскрыл свои планы мужчина.

— Без тебя не поедem. Дом на кого оставим?

— Даш, ты не понимаешь. Это война. Я коммунист. Вас никто не пощадит и другого шанса у меня не будет. Я машинист и нас в любую минуту могут отправить с эшелонem вглубь страны. Каково мне будет там, если вы останетесь в Полоцке? Не ровен час, немец сюда ворвется, — приводил хозяин свои доводы.

— Типун тебе на язык! Разве Красная Армия такое позволит? — не сомневалась в мощи РККА Дарья Петровна. Наверное, муж знал немного больше, поэтому он ничего не ответил а лишь с сожалением посмотрел на жену. Катя осмелилась вставить словечко.

— Конечно, уезжайте. Война будет долгой и жестокой. Здесь оставаться нельзя.

— Вот видишь, и гостья твоя дело говорит, — поддержал ее мужчина.

— Легко сказать. На кого я это все брошу? Столько лет добро наживала и теперь бросай?

— Дарья Петровна, о детях подумайте. Враг никого жалеть не станет. Что там враг? Такие негодяи, как этот Пашка Круглов к вам первой придут, — агитировала женщину Еремина.

— Что уже появлялся этот гаденыш? — недовольно поинтересовался железнодорожник.

— Приходил, — вздохнула она.

— Ждет, не дождется когда немец в город войдет.

— Вот видишь Даш. Уезжать надо, — настаивал муж. Женщина нервно теребила фартук.

— А четвертого места у твоего начальника поезда не будет? — спросила она, поглядывая в сторону гостьи. Иван Афанасьевич понял, куда она клонит.

— Нет, Дарья, я еле за вас троих выпросил, — отрицательно ответил машинист. Проблеск надежды, вспыхнувший в душе Ереминой, погас. Не закончив трапезу, Дарья

Петровна начала собирать вещи. Процесс очень ответственный. Необходимо взять в дорогу все необходимое, но так, чтобы это не было большой поклажей. В доме поднялся шум. Забегали дети, стала нервничать и сама хозяйка. Катерина вышла во двор. Следом за ней появился и Иван Афанасьевич. Он достал папироску и закурил. Было видно, что человек переживает.

— Все правильно, — остановилась возле него Катюша.

— Немцы сильно наступают?

Вопрос провокационный. Мужчина затаился, выпустил струйку дыма и пристально посмотрел в сторону девушки.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил хозяин.

— Думаю, что да, — уверенно ответила Катя.

— А ты теперь куда? — спросил Афанасьевич.

— Не знаю, — пожала Катя плечами.

— У меня ни денег, ни документов. Кому я нужна? Где-нибудь пересажу, а там видно будет.

— Оставайся и живи, если хочешь, — кивнул он на дом.

— Я Дарье не говорил, тебе скажу. Моя бригада погонит эшелон вглубь России. Не знаю, вернусь ли обратно. Ключи оставлю. Харчи в погребе. На первый случай хватит, а там определишься сама.

— Спасибо вам! — поблагодарила москвичка за такое предложение.

В доме побыли недолго. Соседям никому о своем отъезде не говорили. Дарья Петровна провела для Кати краткий инструктаж, где хранятся продукты, где брать воду, какие кастрюли использовать. Потом присели на дорожку. Хозяйка всплакнула. Детишки тоже нервничали. Проводила их Екатерина, как родных людей. И знала то их совсем ничего, а словно родственники стали. А ведь если верить бабушке, то в Полоцке где-то жила и ее прабабка с семьей. Она особо, так глубоко не интересовалась родственными связями, а ведь такие знания могли и пригодиться. Так и осталась одна в доме. Не телевизора, ни радио! Да и какой тут телевизор, если от каждого шороха вздрагиваешь. Вон ночью сторожа убили. Так и к ней могут заявиться подобные Пашки Круглову. Из таких недовольных и получались полицаи. Она загодя решила подготовиться к ночи, чтобы потом поменьше на улицу выходить. Натаскала дров из сарая, сходила по воду. Правда, здесь не обошлось без лишних вопросов. Бдительные соседи заметили чужого человека в хате Волковых. Пришлось представляться дальней родственницей. Поверили или нет, не важно, главное, чтобы отстали. Весь день провалялась в постели, периодически выглядывая в окно на улицу, да вышла собаку покормить. Ночью город ожил. Забегали в небе лучи прожекторов и затаивали зенитки. По дороге промчался грузовик, осветивший своими фарами всю большую комнату в избе. Прошлепали чьи-то ноги в тяжелых сапогах. Мимо дома прошли какие-то женщины, которые громко разговаривали. Затем затрещали вдалеке ружейные выстрелы. Катя сидела на кровати, поджав в коленях ноги и прислушиваясь к ночным звукам. Залаял Шарик во дворе, и неизвестный посетитель постучал в окно. Она обомлела от страха. Дар речи пропал начисто. Мужской голос кликал хозяев. Катька молчала, трепеща от страха, как осина на ветру. И так практически целую ночь. Заснула под утро. Разбудил настойчивый стук в дверь. Шарик неистово лаял на незваного визитера.

— Кто там? — перепуганным голосом спросила она.

— Милиция, открывайте!

Этим попробуй, только не открой. Звякнула щеколда и Катя сделала шаг на освещенный солнцем двор. Перед ней стоял мужчина в синих галифе, белой гимнастерке и белой фуражке с голубым околышем. На поясе широкий ремень с кобурой, а через плечо перекинута португеза. Он держал в руке листы бумаги с какими-то списками. На улице напротив их дома стоял грузовик с людьми в кузове.

— Волкова Дарья? — спросил страж закона.

— Нет. Еремина Екатерина.

— Не понял? Вы кто такая?

Катя сразу же подумала на сердобольных соседок. Не иначе они сдали.

— Я их дальняя родственница из Бреста.

— Где Дарья Петровна?

— Уехала к матери в деревню, — соврала Катя.

— А ее муж, Волков Иван Афанасьевич? — не отставал милиционер.

— На работе. Он железнодорожник, — отчитывалась постоялица.

— А у вас документы имеются?

— Нет у меня документов. Сгорели в поезде. Я под бомбежку попала и еле живая осталась. Какие тут документы?

— Странненько. Надо бы уточнить вашу личность, — заинтересовался ей представитель закона.

— Петя, ты долго там? — крикнули от грузовика.

— Хозяев дома нет. Тут только гражданочка без документов. Надо бы ее проверить, — крикнул милиционер в сторону грузовика.

— Тебе, что делать нечего? Какой у нас приказ? Если никого нет дома, бери ее, — распорядились от автомобиля.

— Еремина Екатерина, согласно распоряжению районного совета Полоцка, гражданские лица привлекаются для сооружения фортификационных сооружений для защиты города. Вы подлежите мобилизации. Даю вам три минуты на сборы. С собой иметь лопату. Мы вас ждем у машины, — распорядился страж порядка.

Три минуты это много или мало? Она открыла шкаф и схватила первую попавшуюся кофточку хозяйки. В сарае нашла лопату и, закрыв дом, уже забиралась на борт полуторки. Здесь находились такие — же, как и она добровольцы. Автомобиль покати к следующему дому. Так собрав приличное количество мобилизованных, полуторка направилась за город. Подобная машина здесь была не одна. На местности находились военные инженеры, которые в доступной форме объяснили, что необходимо делать. Копать противотанковые рвы для городской девушки показалось убийственным мероприятием. Это было не просто тяжело, а очень тяжело. Но здесь никто не роптал, понимая, что вырытый ими ров сможет остановить врага. Такого большого количества идейных людей, собранных в одном месте, она не видела никогда. Силы быстро покинули ее. На ладонях образовались мозоли. Хотелось, есть, но кормить здесь никто не обещал. Самые умные, прихватили с собой узелки с едой и в небольшие перерывы между работой, смогли чего-нибудь пожевать. Больше, чем есть, Катя хотела отдохнуть. Отбросить в сторону лопату и упасть на землю, чтобы просто полежать. Такой роскоши предоставлять никто не собирался. Люди работали с полной самоотдачей и пониманием того, что они делают. Возвращались после захода солнца. Катя затащила за собой лопату и бросила ее прямо возле стены дома. Шарик почему-то не выбежал ей навстречу. Его вообще не было. Возле будки валялась цепь с ошейником.

— Сбежал! — подумала Катюша. Открытая дверь в подвал заставила ее насторожиться. При ее отъезде она была явно закрыта. Еремина сунулась в подвал и поняла, что ее ограбили. Вынесли все продукты. Захотелось просто завить от усталости, обиды и несправедливости. Идти в милицию и написать заявление? Но, кто она такая и на каких основаниях проживает в этом доме? Начнут копать насчет документов, и это может вылиться ей в еще большие неприятности. Она вошла в дом, кое-как умылась и, перекусив остатками борща, приготовленного еще Дарьей Петровной, упала, не раздеваясь на постель. Утром встала пораньше. Наверное, чувствовала, что будет повторение вчерашнего. Их впрочем, об этом заранее предупредили. Доела последние съестные припасы и сумела выкроить для себя две вареные картофелины и кусочек хлеба. Машина приехала примерно в тоже время. Милиционер поставил галочку напротив ее фамилии. Еремина попыталась пожаловаться ему на ограбление подвала, но толи таких случаев было масса, толи сотруднику правоохранительных органов некогда было заниматься такой мелочью, в общем, ее жалоба пролетела у него мимо ушей. На второй день назначенный инженером бригадир, смилостивился над девушкой и вместо рытья противотанкового рва, ее поставили помощницей к группе мужчин, натягивающих колючую проволоку. Занятие тоже не подарок, но лучше, чем копать землю. Теперь она на собственном опыте прочувствовала, что значат слова о тяготах и лишениях советского народа в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. И это ведь только вершина айсберга. Когда смотришь документальные кадры, то формально выражаешь сочувствие людям, возводящим фортификационные заграждения, да сложно им было, но когда сам целый день помахал лопатой, то все предстает в ином свете. Особенно трагично, то, что еле приволоча ноги домой не знаешь, что поесть. Последняя краюха хлеба была съедена в обед. Осталось парочку луковиц, но разве их можно есть просто так? В Москве мать все время жаловалась, что Катя была слишком требовательна к пище, что создавало много хлопот для матери. Сейчас она бы была рада и черствому кусочку хлеба. Завтра она ни куда не поедет. У нее просто не было на это сил. Надо раздобыть где-нибудь еду. Денег понятное дело нет, и ничего не купишь. Милостыню никто не подаст. Значит надо, что-то продать. Она перевернула и без того скудный гардероб семейства Волковых в поисках вещей подходящих для продажи. Отложив парочку из них, умылась и легла спать. Ночью опять стреляли. Утренний визит трудовой бригады переждала, спрятавшись в огороде. Здесь к своей радости обнаружила небольшую плантацию огурцов. Это весомое подспорье к ее рациону. Прихватив намеченные вещички, отправилась на рынок. Как ни странно, но он работал. Возможно, продавцов значительно поубавилось, но они все равно были. Катя никогда не торговала и даже не представляла, как это делать. Она всегда относилась к бабулькам, предлагающим свою продукцию, с некоторым пренебрежением. В 90-е в стране было нелегко, но родители занимали достаточно высокое положение, чтобы не бедствовать. А здесь надо торговать самой и чем? Поношенными вещами! Как унижительно и стыдно. Она робко предлагала прохожим, бывшую в употреблении одежду, а те смотрели на нее так — же, как и она в свое время на бабушек. Катя не знала в этой жизни ничего, ни сколько стоили продукты, ни какую цену просить за свой товар. Она просто банально хотела кушать. К ней прицепилась какая-то крестьянка, которая внимательно рассматривала вещи, проверяя их на прочность и целостность и постоянно, что-то скороговоркой рассказывая на белорусском языке. Катюша не понимала тетку. За этим торгом со стороны наблюдала дамочка в модно пошитом платье, шляпке и с сумочкой в руках. Наверное, интеллигентка какая-то, подумала про себя Еремина.

Женщине в шляпке надоело слушать щебетание колхозницы, и она потянула к себе москвичку. Случилась небольшая перепалка между женщинами за право общения с клиентом. По тем выражениям, которые использовала дамочка в этой словестной битве, Еремина поняла, что сильно поспешила отнести ее к разряду интеллигенции. Обменявшись в сторону, друг друга яркими эпитетами, женщина полностью завладела инициативой, заставив противника отступить на прежние позиции.

— Вы хотите это купить? — обрадовалась Екатерина. В ответ она удосужилась пренебрежительной улыбочки.

— Оставь это для себя, милочка. Я вижу, тебе нужны деньги?

— Очень! — прижала Катя к своей груди товар.

— А у тебя красивые сережки, — заинтересованно произнесла модница. Еремина поняла, куда клонит незнакомка. Это был подарок матери на ее совершеннолетие. Дорогая вещьца в плане воспоминаний. Но есть так хотелось! Ведь еще неизвестно чем ее история закончится? Возможно, она больше никогда не увидит свою мать. Руки сами потянулись к мочкам ушей. Дамочка взяла в свои руки украшение, внимательно рассматривая его.

— Они золотые, с драгоценным камешком, — попыталась Катюша набить цену побольше.

— Хм. Интересная вещьца. Беру.

Покупательница даже не спрашивала их стоимость. Может и правильно делала, потому что Еремина ее и не смогла бы назвать. Дамочка открыла сумочку и отсчитала девушке некоторое количество слегка помятых банкнот. В руках москвички оказались большие купюры, так не похожие на те, которыми они пользовались, а подарок матери перекочевал к моднице. Катя стояла в задумчивости, рассматривая денежные единицы.

— Дорогуша, я бы на твоём месте спрятала деньги, тут много желающих присвоить их себе, — дала совет покупательница. Ее слова вывели Катю из оцепенения. Она окинула взглядом разношерстную толпу, снующую по базару, и заметила Павла Круглова, который с товарищем стоял у прилавка и плюхал семечки. Причем этот Паша смотрел именно в ее сторону. Серые штаны заправлены в голенища сапог. Сам в косоворотке и мышинного цвета пиджаке. На голове кепка. Чтобы охарактеризовать такой типаж человека было достаточно одного слова, урка. Катя вспомнила, что Дарья Петровна говорила, что он недавно освободился из мест заключения, поэтому первое впечатление соответствовало действительности. Еремина опустила глаза и направилась к продавцам. Она сумела купить буханку хлеба и кусок сала и заметила, как деньги почти закончились, толи ее обманула дамочка, заплатив слишком мало, толи цены на продукты были слишком высоки, а может, сработали сразу два фактора. Получив заветный провиант, она быстрым шагом поспешила домой. В избе она нарезала сало тоненькими ломтиками и положила его на кусочек черного хлеба. А тут еще пару огурцов на грядке нашлось. Вкуснотища! Ни какие московские деликатесы не шли в сравнение. У нее осталось немного денег, и в голове девушки родилась шальная идея попытаться уехать из Полоцка. По всей вероятности через пару дней здесь будут уже немцы, и тогда будет поздно. Она не сумела добраться до вокзала. Картина, которая предстала перед ее глазами, как только она покинула трудовые окраины районного центра, повергла ее в шок. По главным улицам города минуя мосты через Западную Двину, тянулась нескончаемая колонна беженцев. Телеги, велосипеды, тачки, просто идущие пешком изнеможенные усталостью люди. Женщины, дети, старики. Стар и млад, с запыленными лицами и страхом неизвестности в глазах, двигался подальше от границы.

Периодически колонну людей обгоняли грузовики с солдатами в кузове. Кто-то был раздет, кто в шинели. Одни с оружием, другие без него. Многие военные передвигались с окровавленными бинтами на теле. Это понятное по книгам слово, отступление, в жизни имела куда более удручающий вид. Смысла идти к вокзалу, не было ни какого. Там царила подобная картина. Сегодня Катерине стало по-настоящему страшно. Неужели этому хаосу не будет конца?

Ночка выдалась не лучше. Она сквозь занавеску на окне заметила фигуры мужчин, которые стояли возле ее избы. Один даже попытался заглянуть в окно. Катя села на кровати и укуталась одеялом по самое горло. Ей было очень страшно. Чуткий слух уловил стук калитки и шаги во дворе. Потом был приглушенный разговор и непонятный шорох у двери. Ереминой стоило огромного усилия воли подняться с кровати и пройти босыми ногами к выходу. Снаружи в щель между дверной створкой и лудой просунулось лезвие ножа, которое медленно поднималось к защелке. Явно кто-то желал проникнуть в дом, и явно не с благими намерениями. Катя живо представила рожу уркагана Паши, который, так пристально за ней наблюдал на базаре. Не надо было, и догадываться, чем бы этот ночной визит закончился для девушки. Когда нож достиг дверной защелки, Катя, что есть силы, прижала ее, не давая ночным гостям открыть дверь. С той стороны кто-то нервно сопел прикладывая большие усилия, но Катерина так вцепилась в этот кусок железа, что все попытки незваных гостей оказались тщетными. Спас ее звук милицейского свистка. В городе несмотря ни на что оставалась Советская власть и ее правоохранительные органы продолжали работать. Нож убрали, и послышался топот быстро удаляющихся ног. До рассвета она просидела в полудреме, просыпаясь от каждого шороха. Оставаться самой в этом доме становилось опасным. На этот раз грузовик с рабочими промчался мимо. Никто не стал терять времени разыскивая беженку для привлечения на работы. Люди из соседних районов стали расползаться по городку в поисках воды, еды и временного крова. Подобные люди уже толпились и у колодца, из которого Катя брала воду. Завидев девушку, молодая парочка спросила о крове, хотя бы на пару дней, чтобы собраться с силами перед дальней дорогой. Катя пустила беженцев в дом, а сама пошла, искать способ покинуть этот город. Снова эти люди, телеги и мычащие коровы, которых вели на поводке хозяева. Этот вид и звуки создавал впечатление безысходности. Однако в центре города чувствовалась какая-то организованность. Вот прошел отряд красноармейцев, прошагали мобилизованные на работы жители Полоцка, протарахтел допотопный гусеничный трактор, тянущий за собой полевое орудие. Полоцк продолжал жить! Внимание Кати привлекло к себе трехэтажное здание из красного кирпича, наверное, еще дореволюционной постройки. Возле него сустились люди в белых халатах и постоянно подъезжали фургоны с ранеными бойцами. Ноги сами принесли Катюшу к этому дому. Как раз подъехал очередной грузовик. Санитары стали помогать выгружать раненных солдат. Возле полуторки стоял высокий статный мужчина в военной форме с петлицами медицинской службы. Он осматривал всех прибывших, распределяя их по корпусам.

— Соня, этого готовьте к операции, — отдавал распоряжения мужчина.

— Товарищ военврач третьего ранга, тут еще одна машина. У нас людей не хватает, — пожаловался санитар.

Офицер медик удрученно покрутил головой и заметил стоящую девушку.

— Вы от районного комитета комсомола? Они обещали помочь госпиталю с добровольцами, — обратился военврач к Ереминой. Та в ответ кивнула головой.

— Соня, выделите девушке халат и расскажите, что делать, — распорядился офицер. Сама того не ожидая Катя оказалась в 431 военном госпитале. Работа нашлась мгновенно. К вечеру, когда суета утихла, и жизнь госпиталя вошла в нормальное русло, уставший после нескольких проведенных операций, молодой военврач подозвал к себе Екатерину.

— Вы вовремя появились. Сегодня такой наплыв, сами не справляемся. Спасибо комсомолу Полоцка. Могли бы конечно и побольше добровольцев прислать. Надо соблюсти некоторые формальности. Ваше направление? В комитете комсомола бумагу давали?

— Нет. Я сама пришла, — призналась Катя.

— Так вы не от райкома? — удивился военврач третьего ранга.

— Вы не подумайте, я учусь в Москве в медицинском и кое-что умею, — как-бы попыталась оправдаться девушка.

— А здесь как очутились?

— Была в Бресте у тетки в гостях. Когда возвращалась домой, поезд под бомбежку попал. Документы в вагоне сгорели, а сама чудом спаслась. Вот и застряла в Полоцке. Ни денег, ни документов.

— Получатся вам, и жить негде? — задавал вопросы доктор.

— Ну, да, — соврала Катя. В дом Волковых по известным причинам она возвращаться боялась.

— Хотите у нас остаться? — неожиданно спросил мужчина.

— Нам сейчас санитарки очень нужны. Тем более что медицинские азы имеете.

— А разве так можно? — приободрилась Еремина.

— Я поговорю с главным врачом. Думаю, что получится решить этот вопрос.

Мужчина махнул рукой своей хирургической сестре.

— Софья Егоровна, можно вас попросить отвести..., - он повернулся к Ереминой, не зная как ее назвать.

— Катя, — представилась москвичка.

— Катю, на кухню. Пусть ее покормят. И если не сложно определите девушку на ночлег.

— Мне-то Григорий Семенович не трудно, но вот старшая медсестра будет недовольна. Она у нас временно или как? Кто ее на довольствие поставит? Я скажу, что это от вас, но сами знаете, что побежит жаловаться.

— Софья Егоровна, я завтра с военврачом первого ранга Павловым поговорю. Если мне не изменяет память, у нас есть вакансии санитарок. Катя учится в медицинском институте и подходит нам.

— На втором курсе, — внесла ясность Екатерина.

— На втором? Значит, перевязки делать сможет, — заочно оценила ее профессиональные навыки сестричка. Григорий Семенович ушел, передав новенькую в руки Сони. Девушка оказалась добродушной и общительной, в отличие от старшей медсестры. Маргарита Львовна, которую за глаза называли «мегерой», инициативы военврача Коваля не приветствовала. Все должно быть согласно инструкции. Он, видите ли, собрался брать на службу человека без документов и медицинского образования. Что говорить, поверил на слово. В такое время подобное недопустимо. Белый халатик она списала на новенькую, так для порядка, а вдруг спросят? Тарелку каши на кухне выпросили у поварихи. Койку на ночь Катя заняла дежурной медсестры. С утра начала свою новую трудовую деятельность, не зная, как в дальнейшем решится ее судьба. «Мегера» не отказала себе в удовольствии уколоть Григория Семеновича по поводу новой санитарочки. Мол, доктор холостой и положил глаз

на какую-то московскую пигалицу, у которой ни рожи и ни кожи, да еще и документиков нет ни каких. Как тут не станет обидно? Катя никогда не ходила в разряде «гадких утят». За ней ухаживали многие, и право выбора всегда было у нее, а здесь какая-то Маргарита Львовна определяет критерии красоты! Военврач Коваль, как и обещал, поговорил с начальником госпиталя и тот дал свое согласие зачислить Еремину в штат медицинского учреждения и выдать ей временную справку, подтверждающую личность. Какой ни какой, а документ. На таких людей, как Григорий Семенович, молиться надо. Все его величали по имени отчеству, а на самом деле мужчине было около тридцати лет. Негласно Катю стали считать протеже Коваля. В этом плане были свои плюсы и минусы. Кто хорошо относился к Григорию Семеновичу, тот старался помочь Ереминой, кто недолюбливал врача, тот естественно старался отыграться на девушке. Работать в госпитале в 41-м, это не протирать юбку в аудитории института. Хорошо, что в своем времени она не просто посещала занятия, а действительно училась. Знания, ой, какгодились. Тяжело было физически и морально, ведь обезболивающее лекарство смогли порой заменить лишь слова «потерпи, миленький!» То, чего не знала, обучалась на ходу, благо «сестрички» попались отзывчивые и готовые прийти на помощь. Работа в госпитале отнюдь оказалась не легче, чем рыть противотанковые рвы. Физически уставала не меньше. Если бы еще Львовна и медсестра Наденька не доставали своими придирками. С Маргаритой Львовной все понятно. Тут она как говорится, не пришла ко двору, а вот почему красавица Надя на нее взъелась непонятно. Не успела Катя проработать в госпитале и пару дней, как к ней подкатил хирург Зураб, так он представился. Если официально, то военврач 3 ранга Беридзе Зураб Аронович или что-то вроде этого. Мужчина в полном расцвете сил, кавказской национальности. Обходительный, вежливый. Узнал, что она из Москвы и прилип словно пиявка. Где училась, кто преподаватели, где в Москве была и что видела? Приходилось тщательно подбирать слова и думать, что говоришь, чтобы не выдать себя. По его мимике поняла, что насчет мединститута ему что-то не понравилось. От таких невинных разговорчиков у нее ладошки начинали потеть. Угостил шоколадкой и приглашал к себе в отделение на ночное дежурство, чтобы скрасить одиночество. Хорошо хоть Соня предупредила, что прием с шоколадкой излюбленный трюк Беридзе. Через такие шоколадки прошла не одна медсестра. Зураб Аронович коллекционер женских сердец и с ним нужно держать ухо в остро. Закончится все постелью и женскими слезами. В постель к Ароновичу она прыгать не собиралась и слезы лить по грузину тоже. Видели они таких, обходительных. Спасибо, что Софья Егоровна предупредила. С Надькой тоже конфуз получился. Женский медицинский персонал не отказал себе в удовольствии и посетил баньку. Благо при госпитале имелось подобное помещение. Отказаться от такой возможности помыться Катя не могла, но ее белье и красивая татуировка произвели впечатление на девушек. Такие татуировки в 41-м еще не научились делать. В 1995 и в Москве тату салонов тоже немного было. Голубок получился великолепный, но только не для госпитальных девок. Она не бросала ни кому вызов и вовсе не кичилась, что жила в Москве, но ее принадлежность к столице, была воспринята в штыки. Никогда не понимала, почему на периферии не любят столичных? Хотя ответ лежал на поверхности, за гордыню и высокомерие. Наверное так думал и Зураб, лишившись шоколадки и ничего не получив взамен.

С 27 июня город стал наполняться войсками и обстановка на глазах менялась. Поток беженцев не прекратился, но поредел. Военных оказавшихся в тылу подвергали фильтрации и отправляли в части, которые прибыли для обороны Полоцка. На улицах появились патрули, и грабежи и налеты моментально прекратились. Появилась маленькая надежда, пусть не на скорую победу, но хоть не на поражение. Сводки сов информбюро, которые транслировались из уличных динамиков, большого позитива не вызывали. Катя только молча соглашалась с собеседниками обсуждающими военно-политическую обстановку в стране, хотя знала, чем все это закончится. Несколько ночей подряд Катю замечали одиноко стоящей у окна. О чем она думала, смотря на ночной город? Наверное, о своем будущем. Что случится со страной, она знала, но, что ждет впереди ее? Оставшись в Полоцке, она если не подписала себе смертный приговор, то значительно убавила шансы на выживание. Теперь она с тоской вспоминала своих родителей, комнату в московской квартире. Как все было хорошо! Зачем она согласилась на эту поездку? Лучше бы в Крым махнула. И все этот гад, Виктор! Продавец желаний! А она наивная дура и согласилась испытать себя. Испытала? Катя с какой-то внутренней жалостью посмотрела на свои руки. На ладонях появились мозоли, кожа стала сухой. От маникюра не осталась и следа. И ради чего все это?

— Сестра! — слышалось из палаты. Еремина вздохнула и пошла на зов. Перевязки, гной, кровь, прием раненных бойцов и постоянные крики от боли. Все это превратилось в одну карусель. Вышла подышать на улицу, а тут Беридзе стоит, курит. Не удержалась и подошла.

— Не угостите даму сигареткой?

Такая просьба оказалась для мужчины неожиданной. Он протянул ей открытую пачку «Беломора». Пусть хоть и папироса, но все равно поможет снять стресс. Закурили. Зураб снова начал свои подкаты, но продолжить ему помешал Коваль. Григорий постоянно появлялся из-ниоткуда, как только Катя оставалась наедине с Беридзе. Следил он за ней что ли?

— Вот вы где?

— А нас кто-то ищет? — недовольно поинтересовался грузин.

— Главврач всех собирает, — сообщил Григорий.

— Какая причина такого большого сбора?

— Корреспондент фронтовой газеты приехал. Пишет заметку о госпитале. Хотел общую фотографию сделать.

— Ну, если фото! Пойдемте, Катенька сфотографируемся, — галантно предложил Зураб. Возле главного входа уже собирался весь медицинский персонал. Зураба потащили к себе молоденькие медсестры. Наверное они еще не получали заветной шоколадки, а может им и понравилось сладенькое, как знать?

— Григорий Семенович, идите к нам, — пригласила военврача Наденька.

— Спасибо. Я здесь, возле Софьи Егоровны устроюсь, — отказался передвигаться Коваль, заняв место за Ереминой. Львовна успела фыркнуть по поводу того, что на снимок попадали не только кадровые сотрудники госпиталя, но и вновь поступившие, которые работают без году неделя. Сказано было естественно в адрес Кати.

— Может мне уйти? — повернула она голову к Григорию Семеновичу, и посмотрела на

него снизу вверх.

— Не слушайте Маргариту Львовну. Вы такая — же, как и мы и заслуживаете, права находиться здесь, — успокоил он Екатерину и для моральной поддержки положил свои руки ей на плечи. Судя по тому, как долговоенврач не убирал их с плеча Кати, она действительно нуждалась в серьезной поддержке. После того, как корреспондент запечатлел персонал на фото, все стали расходиться по рабочим местам. Хирург перехватил Катюшу за руку. У Ереминой создавалось впечатление, что Григорию Семеновичу нравится прикоснуться к ней. Когда же он предложит шоколадку? Фу, как пошло она подумала о Ковале! Кате стало стыдно от своих шальных мыслей.

— Софья Егоровна сказала мне, что у вас не сложились отношения с некоторыми сестрами? — начал издалека военврач. Софья Егоровна! Мысленно передразнила его Екатерина. Какой официоз! А ведь в быту он называл ее просто Соня. Их связывала работа в операционной. Софья помогала Ковалю проводить операции.

— Некоторым девочкам не нравится, что я из Москвы, а может и еще что-то, — обтекаемо ответила Еремина.

— Хочу вам открыть небольшую тайну, — заговорчески склонился к девушке врач.

— Я сам полоцкий и у меня недалеко отсюда живет мама.

Катя с удивлением посмотрела на собеседника. Это было для нее новостью.

— Не знаю, как это будет выглядеть, но я хотел предложить вам пожить у моей мамы. Ну, чтобы избежать всех этих шероховатостей с персоналом. Не надо будет искать дежурную кровать, и выслушивать высказывания в свой адрес. Отдежурите свою смену и переночуете у мамы. Она будет только рада новому человеку.

Катюша даже опалела от такого предложения. Это покруче, чем шоколадка! Коваль переплюнул даже самого Зураба. Она сразу же хотела решительно ему отказать, но посмотрев на смущенное лицо военврача передумала. Почему бы и нет? Жизнь одна, и судя по всему жить, осталось не так уж и долго. Наденька наверняка будет больше всех рада такому ее выбору. Вон она, как зыркает в сторону Гриши. Наверняка имеет какие-то виды на Ковалю? Что для женщины милее всего? Правильно! Досадить подруге.

Катя состроила невинное личико.

— А я не буду стеснять вашу маму?

— Что вы! — поверив в позитивный ответ, обрадовался врач.

— Она будет рада принять москвичку. Сегодня вечером я заберу вас, и пойдём знакомиться с мамой, — повеселел доктор. Освободился он поздно. Пока шли по темным улочкам рассказал немного о себе. Перед тем, как переступить порог дома девушка занервничала. Стало как-то неловко, вроде как на смотрины идут. Анна Владимировна тоже не ожидала, что придет сын, да еще с такой очаровательной девушкой. Такие эпитеты Кате пришлось по душе. Не то, что Львовна говорила, ни рожи, ни кожи! Хозяйка принялась суетиться по дому, чтобы достойно встретить гостей. Когда услышала от сына, что он хочет временно поселить девушку у матери, захлопотала пуще прежнего. Григорию уже тридцать и он о женитьбе и не заикался, а тут сам привел девицу в дом. Это что-то да значило! Выставила на стол все, чем была богата, даже бутылку водки, что держала на особый случай. По-видимому, такой и настал. Она сильно уставала, а тут еще и спиртное. Мило посидели. Катя отвечала на вопросы Анны Владимировны, которая старалась побольше узнать о возможной невестке. Причем в своих ответах Катя ни сколько не врала, рассказывая о своих родителях и о себе. Разве, что не называла время, в котором они жили. Не осилив и бутылки,

она уже начинала клевать носом.

— Мама, гостье пора ложиться спать. У нее завтра утренняя смена, — напомнил сынок. Женщина приготовила кровать, с большими подушками.

— Вот и хорошо, я, пожалуй, пойду, — заявил военврач.

— Куда? — всплеснула руками хозяйка.

— Мне бы тоже поспать не мешало. Я себе в кабинете место для ночлега устроил. У нас сама видишь, негде.

Дом и впрямь был небольшой. Спальня хозяйки, маленькая кухонька и горница, которая служила и местом для ночлега и приема гостей. Кроме кровати здесь стоял и диван, который вполне мог служить местом для сна, но военврач не хотел стеснять Катю, своим присутствием в одной комнате с ней. Зураб таким аспектом и не заморачивался бы, если даже, не наоборот.

— Так диван же есть! — не поняла его маневра мать. Кате стало стыдно. Выгнать хозяина из дома, чтобы определить здесь гостью, каково?

— Григорий Семенович, Гриша, оставайтесь. Место действительно есть. Да и куда ночью идти? Комендантский час уже, — присоединилась к позиции матери и Еремина. Ласково произнесенное имя Катей, на мужчину подействовало сильнее, чем уговоры матери. Пока Григорий курил, девушка разделась и нырнула под одеяло. Подпружиненная кровать, чистая простынь, и мягкая подушка сделали свое дело. Когда Григорий вернулся, москвичка уже безмятежно спала. Разбудило ее нежное прикосновение к плечу.

— Катя, пора вставать, — стоял возле кровати военврач.

— Умывальник на улице. Я свежей воды набрал.

Еремина вскочила, оделась, заправила постель и пулей вылетела во двор. Гриша ждал ее возле умывальника с полотенцем и расческой в руках. Она активно плескала водой себе на физиономию, фыркая от удовольствия. Коваль с умилением наблюдал за гостьей. Вытерев лицо приготовленным полотенцем, девушка принялась приводить в порядок волосы.

— Что вы так смотрите? — не удержалась санитарка от вопроса, заметив, что хозяин продолжает ее рассматривать.

— Вы меня смущаете.

— Вы красивая, Катя, — слегка покраснел Коваль.

— Да, бросьте Григорий Семенович, вот Надя, действительно красивая, а я «гадкий утенок», так Львовна говорит, — не удержалась Катя, чтобы не прыснуть порцию яда, хотя укорять Григория не было за что.

— «Гадкий утенок», которому суждено превратиться в прекрасного лебедя. Маргарита Львовна бывает иногда права. Насчет Надежды, вы тоже не далеки от истины. Она действительно красивая, но в свой дом я пригласил не ее, а вас, — без всякой иронии ответил Григорий.

— Значит это предложение неспроста? Вы не просто пожалели меня, а планировали нечто большее? — строго посмотрела на него девица. Мужчина ступешался, поняв, что сболтнул лишнего.

— Я пошутил, — попытался смехом скрыть свой явный прокол военврач.

— Идемте пить чай, — предложил мужчина. Что тут подумать? Влюбился не иначе доктор? А ведь были претендентки и получше. Почему именно в нее? Она и значительно младше, чем другие медсестры. Лейтенант в ЗАГС тащил, теперь и доктор потащит. Ребята они конечно не плохие, но у нее не возникало подобных чувств. Она никого здесь не любила,

но позволяла любить себя. Ухаживать Григорий Семенович начал со стихов. У Беридзе, там без особых прелюдий. Шоколадка, ночное дежурство, постель и в очередь. Повезет, то снова по той же схеме. Нет, придется подождать, когда не станет конкуренток. Здесь более романтично, стихи Есенина. Хорошо хоть не Маяковского. Пролетариат такую поэзию любит. Есенин больше к пережиткам буржуазии подходит. Классовое самосознание никто не отменял. Романтик, однако, этот Коваль.

На территорию госпиталя вошли вместе, слава Богу, что, не взявшись за руки. Надька на втором этаже чуть лбом стекло не выдавила, так их высматривала. Естественно такой пассаж со стороны москвички не прошел даром. Надежда, даже не хотелось называть ее по отчеству, скорее всего, реально была влюблена в Григория Семеновича. Но любовь была безответной, а тут появилась она и растревожила былую рану. Коалиция против Ереминой сложилась стойкая и основу ее составляла Львовна и Надежда, остальные, так, по случаю. Месть за оскорбленную любовь пришла от Наденьки через «мегеру».

— Иди, поухаживай за летчиком. «Утку» из-под него вынеси, — распорядилась Маргарита Львовна. Увидев приближающуюся к нему девушку, тяжелораненный пилот стал возмущаться.

— Зачем молоденькую-то? Постарше не нашлось?

— Пусть привыкает, — довольно промолвила старшая медсестра. Катя даже не возмущалась, прекрасно понимая, чего хочет добиться Маргарита. Летчик покраснел от стыда.

— Не переживайте так, — спокойно сказала она откидывая край одеяла. Она забрала судно, вытерла мокрым бинтиком промежность пилота. Он лежал, отвернувшись в сторону и ужасно сопел. У мужчины была ампутирована нога.

— Это моя работа. Ничего страшного, — успокаивала Катя не то раненого, не то себя саму.

— Все будет хорошо.

— Ничего уже не будет, — процедил сквозь зубы военный.

— Кому я теперь такой нужен? Не летать, не ползать.

— Зачем вы так? Люди и с одной ногой живут. Хотите, я вам стихи прочитаю? — предложила она, заметив томик поэзии у соседа на тумбочке.

— Почитай милая, — оживились рядом лежащие бойцы. Катя открыла страничку наугад и принялась читать стихотворения неизвестного ей поэта. От ее чистого, нежного голоса, похожего на звенящий весенний ручеек, все заслушались на миг, забыв о боли и о том, что идет война. Офицер авиации смотрел на санитарку и плакал, осознавая, что ждет его калеку дальше. Еремина закончила и собиралась уходить, когда офицер схватил ее за руку.

— А ты бы стала жить с таким калекой как я? — задал он ей вопрос.

— Если бы любила, то да, — не моргнув ответила москвичка.

— Если бы любила, — удрученно повторил летчик. Наверное, насчет любви его второй половинки, у него, как раз и возникали сомнения. Катюша взяла в руки судно и пошла к выходу. Уже на улице она услышала выстрел и женский крик. Екатерина даже не стала размышлять над тем, чтобы это могло быть. Она это просто знала. Руки как-то безвольно опустились. Главный врач кричал на работников госпиталя, оставивших у военного его личное оружие, но Катя не слушала этих криков, а смотрела, как тело пилота выносят на окровавленной простыне из палаты. Какой-то тяжелый ком образовался у нее внутри. Его не выплюнуть и не проглотить. Сейчас, чтобы заглушить эту боль захотелось закурить. Как ни

странно, Зураб, оказавшийся рядом, догадался о ее желании и протянул папиросу. Он ничего не говорил, а просто стоял рядом и курил.

— У нас и такое бывает. Крепись, — похлопал он девушку по плечу и пошел дальше. Этот летчик с ампутированной ногой надолго остался в ее памяти. Даже Анна Владимировна отметила некоторую замкнутость девушки пришедшей на ночлег. Женщина напоила Еремину чаем и поделилась последними новостями.

— Народ судачит, что сегодня в 12 доме на улице Коминтерна чекисты взяли двух диверсантов. Представляете Катенька, они маскировались под беженцев. Ладно бы мужчина, но женщина! — возмущалась Анна Владимировна. Погруженную в свои мысли Екатерину вдруг ударило словно током, Коминтерна 12! Это же дом Волковых! Это она пустила туда супружескую пару. Черт подери! Теперь и ее приплетут к этой группе диверсантов. Когда приезжал милиционер по вопросу трудовой мобилизации, то он еще тогда собирался проверить Катю. Сейчас, наверное, жалеет, что не сделал этого. Соседи тоже видели ее. Она еще дура, этому милиционеру свою фамилию назвала. Вот встряла! Начнут искать и обязательно на госпиталь выйдут. Что же делать? В смутной тревоге и заснула.

Третье июля ознаменовало себя авиационным налетом. Даже смотря по телевизору работу немецких пикирующих бомбардировщиков, она всегда сжималась от страха, а пережить это воочию оказалось еще страшнее. Хоть целью «Юнкерсов» была железнодорожная станция, но их здание дрожало от взрывов, а местами посыпались стекла. Началась паника. Сестры и врачи попытались организовать плановую эвакуацию легкораненых бойцов в подвал под здание госпиталя. Хуже дело обстояло с тяжелоранеными. Их нести было не кому, да и размещать некуда. Они оставались на своих местах, как заложники ситуации. Еремина помогала солдатам спуститься в подвал, когда заметила, как Надя вернулась в основной корпус. Катьке стало интересно, что та там забыла и, невзирая на собственный страх, пошла следом. Оказалось, что ее соперница вернулась, чтобы поддержать оставшихся. Рисковала собственной жизнью ради обреченных на смерть воинов. Теперь вернуться в убежище Кате не позволила собственная гордыня.

— Не паникуем! Спокойствие. Я рядом с вами, — пыталась она приободрить солдат, приседая от каждого взрыва. У одного поправила съехавшее одеяло, второму подала кружку с водой.

— Как враг ни лютует, но победа будет за нами. Мы победим фашистов, и 9 мая 1945 года Германия подпишет капитуляцию, — позволила она себе сделать парочку предсказаний.

— Как в 1945? — откликнулся один из тяжелораненых.

— Это что война будет идти целых четыре года? Не верю. Сейчас подойдут войска второй линии, и мы погоним фрица. Не выдумывай девочка, — попросили ее.

— Конечно, погоним, сначала от Москвы, а потом в 1943 от Сталинграда, — продолжала предсказывать дальнейшие события девушка.

— Как от Москвы? — приподнялся на локте раненый пехотинец.

— Врешь! Не видать им Москвы! И за Сталинград врешь! — разволновался парень. Надежда повернулась в ее сторону, внимательно прислушиваясь. Катя поняла, что позволила себе лишнего.

— Не переживайте так, это я придумала, — попыталась оправдаться Еремина.

— Так могут придумать только враги! — прозвучало обвинение и эта ситуация

принимала совсем другой оборот.

— Что вы к ней пристали? Разве сами не видите, какая у немца силища? Какой сегодня день войны и где это подкрепление? — заступился за девушку пессимистически настроенный офицер из пехоты. Среди раненных солдат возможно, и возникла бы перепалка, но от рядом разорвавшегося фугаса посыпались разбитые стекла и штукатурка с потолка.

— Дальнобойная артиллерия бьет, — прокомментировал прилет снаряда, раненный артиллерист. В коридоре послышался шум и снова прилетел снаряд. Взрывная волна перевернула тумбочки и наполнила палату дымом и пылью. Катя упала на бойца с перебинтованной грудью, прикрывая его собой. Когда пыль немного рассеялась, рядом с Ереминой каким-то чудесным образом оказался военврач Коваль.

— Катенька! — ни кого не стесняясь, обнял он девушку. Такого порыва чувств Катя от него даже и не ожидала.

— Вы живы? — он осмотрел ее с головы до ног.

— Не ранило? Почему вы здесь? Почему не в укрытии?

В углу палаты кашлянули. Это была Надежда, и она все видела.

— Тут же раненные, как их можно бросить? — слегка возмутилась москвичка. За бойцов Григорий Семенович вроде бы и не услышал, его в данной ситуации волновала лишь Еремина.

— Я так за вас переживал.

О его переживаниях увидели все в палате, особенно Надя.

— Тогда и я останусь с вами, — принял решение военврач.

Налет они пережили, хотя работы хозяйственной части прибавилось. Стекла местами поменяли, где-то забили фанерой или просто оставили как есть. Фронт неумолимо приближался, и обстрелы грозили стать ежедневными. Немцы форсировали Западную Двину и захватили плацдарм в районе Дисны. Орудийная канонада стала значительно громче. В этот вечер Григорий Семенович вернулся домой вместе с Екатериной и уходить никуда не собиравшись, облюбовав диван для ночлега. Основная тема для разговора это приказ об эвакуации госпиталя. У Кати затеплилась надежда, что все еще может поменяться в лучшую сторону, и она окажется подальше от линии фронта. Григорий Семенович сильно переживал за мать. Анна Владимировна ничего и слышать не хотела об эвакуации. Она здесь родилась, здесь и умрет. Все его увещевания упирались в глухую стену непонимания. Когда Анне Владимировне надоело слушать увещевания сына, она ушла к себе в комнату, оставив парочку наедине. Разговоры о работе постепенно перешли к поэзии. Григорий был хорошим хирургом, но, несомненно, мог бы стать и талантливым актером. Стихи он декламировал просто великолепно. Коньком его программы был Сергей Есенин. Утверждать, что в кругу знакомых Катерины не было интеллектуалов, нельзя. Вот только весь их интерес распространялся на машины, шмотки и все материальное. Были, правда и исключения, в виде парочек меломанов. Только не было из них ни одного, кто-бы читал для нее стихи. Старомодный способ ухаживания. Григорий Семенович уже взрослый состоявшийся мужчина, а ведет себя как влюбленный мальчишка. Смешно было даже смотреть на этого закаленного жизнью военврача, который краснеет под взглядом двадцатилетней девчонки. Она свалилась сюда из 90-х и уже сумела вскружить голову двум военным. Не многовато ли? Выслушав есенинское «Шаганэ» она заметила, что декламатор как-то странно затих. Девушка повернула голову и в лунном свете обнаружила фигуру Григория, в трусах и майке, возле своей кровати.

— Катя, вы не спите?

— Конечно, не сплю. Вы же читаете мне стихи. Как я могу уснуть? — ответила она на такой глупый вопрос, понимая, что Коваль проделал путь от дивана к кровати, не для того, чтобы выставить себя дураком.

— Сестры говорили, что у вас есть очень красивая татуировка. Это правда? — нес всякую чушь доктор.

— Правда. И что из этого?

Было слышно, как мужчина набрал полные легкие воздуха, чтобы выдать еще более нелепую фразу.

— Я хочу посмотреть на нее.

Ну, чем не военврач Беридзе? Почти такая же схема, только без стихов Есенина. Прогнать? Понятное дело, что ему не ее татуировка нужна, а нечто большее. Скажи она ему грубое слово и ведь уйдет, как побитая собака. Заслужил Гриша такого обращения? Вот уже мысленно даже Гришей назвала, хотя он старше нее лет на десять. Там в палате во время обстрела он ведь действительно переживал, и это была не игра. Что по большому счету она теряла? Что с ними будет завтра? А с другой стороны, нужен он ей этот военно-полевой роман?

Пока она дискутировала со своим внутренним голосом хозяин дома, потирая ногу об

ногу, стоял у ее постели в ожидании вердикта. Еремина не стала утруждать себя словоблудием, а просто отбросила в сторону полог одеяла. Этот знак послужил сигналом к действию. Скрипнули пружины, и ее обдало теплом мужского тела. Григорий не спешил получить заветный приз и прежде чем получить то, зачем пришел, расплатился с Катей за ее понимание, всей своей нежностью. Хоть Коваль и был холост, но он не показал себя неопытным юнцом, как Сережка Володин. В связях с женщинами Григорий явно был и поэтому знал, чего те хотели. Кате льстило то, что ее желал взрослый мужчина. В интимной близости со сверстниками она была, но там партнер обычно хотел получить больше, чем отдать. Здесь все наоборот. По дрожи тела Гриши можно было без труда понять, что он крайне возбужден, как эмоционально, так и физически. Увидел ли Гриша, того заветного голубка, ради которого пришел, непонятно. Он его искал по всему телу Кати, осыпая поцелуями каждый сантиметр ее кожи. А потом спинка кровати ударилась в стену, не способная противостоять движению двух тел. Она стучала так долго, что была способна разбудить и соседей на улице, но только из комнаты матери не доносилось ни каких звуков. Катя, закусив подушку, чтобы не издавать стонов, прекрасно понимала, что Анна Владимировна все слышит, но что она могла поделать? Как ей остановить эту безудержную гонку к очередному экстазу? И стоит ли?

Слушать очередные слова о замужестве она не стала и просто уснула, устроив голову на плече Григория. Утром, каков бы храбрый Григорий Семенович не был ночью, он все-таки поднялся раньше матери, чтобы потом не объяснять, почему оказался в постели у гостя. Мужчину словно подменили. Он светился каким-то внутренним светом. Движения быстрые и вид бодрый, хотя ночью сил было потрачено предостаточно. Теперь на работу они шли рука в руке. Катя этого не хотела, но Гриша не собирался ее отпускать. Он строил какие-то планы и щебетал ей на ухо комплименты. Катерина еще сама для себя не решила, как ей быть дальше. Она питала иллюзии на возвращение домой, хотя механизмов реализации своих желаний не видела. Их совместный приход в госпиталь увидели все. Жизнь порой очень бывает, похожа на сказку, где наряду с положительными персонажами присутствуют и злодеи. Был ли главный врач таким злодеем? Наверное, не был, но и положительным героем в данный момент не числился. Военврач первого ранга Павлов вызвал Еремину к себе в кабинет. Обвинения начали расти как снежный ком. Отсутствие документов, недостоверная информация о месте учебы, тут явно постарался Беридзе. Она до сих пор помнит его удивленное лицо, после ее рассказа о медицинском институте. Что ставило под сомнение достоверность информации, которую она предоставила о себе. Ее татуировка и аморальное поведение по отношению к уважаемому хирургу, что ставило его репутацию под удар. Чем им не нравился ее голубь мира? И при чем здесь чуждый классовый элемент? Но этого мало. Еремину обвинили в самоубийстве летчика и самое страшное, в распускании провокационных слухов о наступлении немецко-фашистских войск и затяжной войне с захватчиками. Не верить в скорую победу РККА это преступление! Что в нее верить? Она будет, но не так скоро как хотелось. Здесь и без слов было понятно, кто предоставил главврачу такую информацию. Мстили ей за Гришу, ой, как мстили. Вердикт был весьма непонятен. Выгнать ее не выгнали, но компетентными органами пригрозили. Вышла Катя от начальства, что в воду опущенная. Обиженная и злая. Просто видеть никого не хотелось. Хорошо бы на пациентах не сорваться. Девушка находилась у разбитого окна, когда во двор госпиталя прикатила черная «эмка» и из нее вышли парни в военной форме, с малиновыми околышами и голубыми доньшками на фуражках. Они уверенно зашагали к главному входу в

госпиталь.

— А вот и компетентнее органы! — мелькнуло в голове. Ноги мелко затряслись, а по спине побежал пот. Теперь ведь ко всем обвинениям Павлова добавят и сотрудничество с немецкой агентурой. Тут дело «вышкой» попахивает, если она до нее еще доживет. Что же делать?

В коридоре появился озадаченный Коваль и поманил ее к себе. Мужчина не дал ей раскрыть и рта.

— Меня вызывали в Павлову. На тебя написали донос. Что ты там наговорила про Москву и Сталинград? Зачем выдумывала? Ты знаешь, что за такое бывает?

— Еще меня обвиняют в аморальном поведении. Что теперь будет Гриша? — расстроилась Катя.

— Это полбеды, а вот за пропаганду по головке не погладят, — беспокоился Коваль. Если бы он знал, что она пустила в дом Волковых диверсантов, то вообще бы не захотел с ней разговаривать. Катя, Катя и кто тебя за язык тянул?

— И летчика они хотят повесить на меня, — чуть не плакала Катя.

— Я боюсь Гриша! Мне страшно! — уже реально начинала она плакать. Он взял ее за плечи и встряхнул.

— Возьми себя в руки. Тебе надо уехать. Я напишу записку матери, и ты возьмешь у нее деньги, а потом..., - она не дала ему закончить.

— Поздно Гриша, они уже здесь! За мной уже приехали.... Не будет для меня ни какой эвакуации, — рухнули все планы Ереминой.

Глаза мужчины потускнели. Мимо цокая каблучками, проходила Соня с коробочкой для шприцов в руках.

— Софья Егоровна, можно вас? — окликнул ее военврач. Она остановилась и мило улыбнулась. Действительно мило и открыто, а не как человек, который желает тебе зла или злорадствует.

— Соня, ты бы не могла вывести Катю на улицу, подышать свежим воздухом и желательно через прачечную?

Операционная сестра непонимающе посмотрела на военврача, но задавать лишние вопросы не стала. Коваль неожиданно обнял Еремину и поцеловал ее в губы, не стесняясь присутствия Софьи Егоровны.

— Уходи, — оттолкнул он от себя любимого человека.

— А как же ты?

— Уходи, говорю. Они меня не тронут.

Соня, как проводник двинулась вперед, а Екатерина следом. Они дошли до запасной лестничной площадки, а Григорий все еще стоял в коридоре, провожая их взглядом. Прежде чем скрыться из глаз она услышала последние его слова: — «Катя, я тебя люблю!»

Еремина шла следом за медсестрой, понуриив голову.

— Что случилось? — поинтересовалась Соня. Москвичка решила поделиться с девушкой своей проблемой.

— На меня донос написали. Обвиняют в смерти летчика, провокационных высказываниях относительно Красной Армии и моральном разложении. Начальник госпиталя вызывал и сильно ругался, — призналась Катя.

— Сказал, что мной займутся компетентнее органы.

— Молодец! — неожиданно поддержала такие действия медсестра. Катя даже

приуныла, не получив поддержки.

— Я знаю, кто стукнул. Надька от ревности совсем с ума сошла. Не любит ее Григорий Семенович, вот она на тебе и отыгрывается. А доносик они с «Мегерой» строчили. У Надьки бы ума не хватило. Ты на Павлова зла не держи. Он реагировать был должен, а то и сам улетит вместе с тобой. Правильно сделал, что предупредил за компетентные органы. Теперь знаешь, кого боятся.

— Ты так говоришь будто бы не комсомолка, — даже засомневалась Катерина в искренности знакомой.

— А я и не комсомолка. Не приняли меня. Моего отца в 1930 году раскулачили. Теперь мне дорога в комсомол закрыта, — открылась Соня.

— Так ты? — не успела москвичка полностью сформулировать вопрос, как последовал ответ.

— Не надо Катя. Я же не лезу к тебе в душу?

Доходчивый ответ. Софья провела ее через прачечную на тыльную сторону госпиталя.

— Вот и все. Мой тебе совет, на вокзале, базаре и других подобных местах лучше не появляйся. Там быстро найдут. Прощай! — сказала Соня и вернулась в здание.

Оглядываясь по сторонам, Еремина ускоренным шагом удалялась прочь от госпиталя. По задворкам вынырнула на одну из главных улиц и, обогнув застрявшую в луже повозку, едва не попала под колеса грузовика. Водитель нажал клаксон и успел ударить по тормозам.

— Куда прешь, дура? — заорал шофер. Перепуганная москвичка стояла перед капотом полуторки. Дверца автомобиля открылась, и на подножку ступил молоденький лейтенант.

— Катя? Это вы?

— Сережа? — узнала она военного. Офицер мгновенно оказался рядом.

— Вы в больнице теперь работаете? — кивнул он на форму одежды девушки.

— Санитарка я, в 431 госпитале, была, — подумав, ответила она.

— Уволили меня, — внесла Екатерина ясность.

— И куда вы теперь? — интересовался парень.

— Не знаю. В наш дом упала бомба. Тетю убило. Я осталась совсем одна. Без дома, без работы. Пропаду я здесь, — давила Еремина на жалость, не гнушаясь обманом. Как здесь без него? Не скажешь же правду? Мимика на лице военного изменилась. У лейтенанта явно шел процесс переваривания полученной информации. Парень, как порядочный человек предлагавший поход в ЗАГС, боролся между долгом и желанием помочь девушке.

— А ты куда едешь? — решила Катя склонить чашу весов в свою сторону. Теперь в связи с началом боевых действий маршрут движения грузовика не являлся военной тайной.

— К нашему ДОТу. Мы там теперь оборону держим, — признался лейтенант.

— Сережа, возьми меня с собой, — неожиданно попросила Еремина, не зная другого способа, как покинуть город. Такая просьба выбила молодого человека из колеи.

— Куда? В ДОТ? Нельзя!

Катя пошла на более радикальные меры. Она повисла у парня на шее, чем вызвала удивление у водителя.

— Не бросай меня, миленький! Я могу быть санитаркой, кухаркой, кем хочешь, только не оставляй меня.

Насчет кухарки она конечно преувеличивала. С кулинарией у Ереминой было не очень хорошо.

— Товарищ лейтенант, так мы едем? — плаксивым голосом спросил водитель.

— Забирайтесь в кузов! — принял для себя решение Володин. Екатерина облегченно выдохнула. Сережка посадил ее на борт, а там ее принял сержант Петренко.

— Вы? — удивилась девушка.

— Звістно я, — своим украинским говорком ответил военный. В кузове стояли коробки с пулеметными лентами для «Максима». Сержант отодвинул в сторонку винтовку и шинель, освобождая место на лавке. Хлопнула закрываемая дверца полуторки и машина продолжила движение.

— Оце так зустріч! — обрадованно сказал сержант.

— Какими судьбами?

— Товарищ лейтенант обещал взять с собой. У меня дом разбомбило и на новой работе проблемы, — призналась Катюша.

— И куда же он собирается тебя определить? — не понимал Петренко.

— Куда угодно, только не бросайте меня, — жалобным голоском произнесла Еремина и

увидела, как с улицы, ведущей к госпиталю, появился черный автомобиль НКВД.

— Мамочки! — прошептала Катенька, схватившись за рукав сержанта. Петренко взглянул на автомобиль с военными в специфической форме и все понял. Он бросил шинель на дно кузова и скомандовал: «- Давай на пол!»

Катя моментально оказалась на шинели. Петренко сидел, как ни в чем не бывало, смотря, как легковой автомобиль пристроился к ним сзади, и на военного в кузове уставилось несколько пар любопытных глаз. Водитель полуторки объехал тихоходный артиллерийский тягач и снова принял вправо, чтобы уступить дорогу колонне военных машин. «Эмка» не успела совершить подобный маневр и осталась за тягачом. Их шофер поддал газу, и они быстро оставили позади себя черную легковушку. Пространство между машинами быстро заполнялось пешими колоннами солдат, идущих на позиции и шансов их догнать, уже не было ни каких.

— Вставай, — предложил Петренко санитарке, поменять позу. Катерина вытряхнула передник и уселась рядом.

— И чего они хотели? Только не говори, что ничего не понимаешь.

— Арестовать меня хотели по доносу. Так вышло, что усомнилась в быстром окончании войны и старшая медсестра сигнализировала, куда следует. Из госпиталя за пораженческие настроения выперли, а эти вообще арестовать хотели, — вкратце обрисовала ситуацию Еремина.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила она. Мужчина ухмыльнулся в усы.

— Особистам и война не помеха, лишь бы людей мордовать, — тоже был не в восторге Петренко, работой народного комиссариата внутренних дел.

— Ты бы больше нигде не выражала свои сомнения в победе, а то ведь снова донесут, — посоветовал мужчина.

— В победе я, как раз и не сомневаюсь. Даже знаю, когда она будет, вот только сроки не всех устраивают.

— Откуда тебе знать о победе? Тут и генералы ничего не знают, — улыбнулся сержант.

— Они не знают, а я знаю, — уверенно ответила Еремина.

— Вот и хорошо, что ты такая уверенная, нам бы таких побольше, — поддержал ее военный. Так слово за слово, они и добрались до своего объекта. Когда Катя оказалась возле серой громадины долговременной огневой точки, у нее перехватило дух. Тот самый ДОТ, в котором она переместилась во времени. Это о нем рассказывал Виктор. Подбежали солдаты и стали носить коробки с патронами внутрь сооружения.

Володин, стоя у машины, отдавал необходимые распоряжения. Катя посмотрела на Сергея и задумалась.

— Сергей, это ты командир гарнизона этого объекта? — она кивнула головой в сторону огневой точки.

— Я, — открыто признался парень.

— Выходит, что «Призрачный лейтенант» это ты и есть?

— Почему призрачный? Я пока живой, а не призрачный.

Ключевое слово пока. Она-то знала, чем это все закончится и конкретно защита именно этого дота.

— Ты возьмешь меня к себе? — немного поникшим голосом произнесла девушка, пожалев, что так настойчиво просилась к Володину.

— К себе не имею права. Попытаюсь устроить вас в медсанбат. Тут ребята оборонный

рубеж возводят, к ним и сходим. Петренко, оставляю тебя за старшего.

Сержант небрежно козырнул. Володин прошел с Катей до линии окопов. Здесь без труда нашли такого же молоденького лейтенанта, как и Сергей.

— Ну, как ты успеваешь? — спросил пехотинца пулеметчик. Скорее всего, они были знакомы, сделала вывод Екатерина.

— Немного осталось, — устало ответил собеседник.

— Не дрогните? — с подковыркой спросил знакомого Володин.

— Смеешься? Ты за бетонной стенкой сидеть будешь, а я? — махнул он на открытую местность.

— Патронов на два хороших боя. Артиллерии нет. Если пойдут танки, остаются только гранаты, да и тех кот наплакал, — жаловался лейтенант.

— А, что комбат?

— Сережа, ты вроде не знаешь! Сказал, что держаться.

— Значит, будем держаться, — уверенно сказал пулеметчик.

— А ты, что с барышней гуляешь? — переключил свое внимание пехотный лейтенант на спутницу знакомого.

— Понимаешь Дима, просил в батальоне 1-го номера на «Максим», а прислали санитарку. Куда я ее возьму?

— Н-да, бардак! — согласился лейтенант Дима.

— Может, к себе пристроишь? — предложил Володин.

— Конечно, — моментально согласился собеседник.

— У меня одна Лариска всей медсанчастью заведует. Еще одна санитарка не помешает.

— Вот и договорились, — обрадовался Сергей, что удалось пристроить девушку. Дима нырнул в окоп, чтобы дать возможность молодым людям поговорить.

— Вот и все. Считайте, что я выполнил вашу просьбу, только от этого почему-то мне не радостно. Привез вас на передовую. Лучше бы оставил в Полоцке.

Катя сделала к нему шаг и оказалась совсем рядом.

— Не лучше Сережа. От судьбы никуда не денешься. Наверное, я сильно нагрешила, что оказалась здесь и в такое время, — смирилась со своей участью Екатерина.

— Вы верите в Бога? — удивился лейтенант. Кате захотелось крикнуть ему в лицо, а что ты вообще обо мне знаешь? Тащил под венец и не удосужился узнать, кем является на самом деле твоя избранница?

— Я верю, в судьбу и благодарю, что на моем пути повстречался такой человек, как ты, — выкрутилась Екатерина, чтобы не отвечать на этот вопрос.

— Я тоже ей благодарен. Как жаль, что мы познакомились так поздно, — все еще переживал Володин, что не смог осуществить свои намерения.

— Катя, мое предложение остается в силе. Если вы не против, то нас может расписать и командир полка. В военное время у него есть такие полномочия, — не терял надежды Сергей.

— Сережа, давай переживем эти дни, а там посмотрим, — ушла от прямого ответа москвичка.

— Значит, нет? — сделал вывод парень, после таких слов девушки.

— Это не отказ, а просто пауза. Надо выдержать паузу, — пожалела чувства лейтенанта санитарка.

— Ты береги себя! — попросила она и на прощание поцеловала его в губы. На этом и

простились. Она не собиралась слушать его слов признания. К чему они сейчас? Сережке суждено было стать «Призрачным лейтенантом», а она не хотела быть невестой призрака. Она вообще не хотела умирать, а все шло именно к этому. Проклятый Виктор! Попадись он ей сейчас под руку, застрелила бы собственноручно.

С Ларисой, санинструктором роты, она познакомилась с подачи лейтенанта Димы. Он видел, как прощалась парочка, и не стал пытаться ухаживать за санитаркой, как обычно происходило в подобных случаях. Девушки быстро нашли общий язык. Лариса надавила на старшину роты, и он выделил для новенькой обмундирование красноармейца. В штанах на позиции было сподручнее. С сапогами немного сложнее получилось. Ее ноги ничего кроме туфель и кроссовок не знали, а тут керзачи, да еще и с портянками. Лара несколько раз продемонстрировала, как следует обращаться с портянками и приободрила тем, что так все ходят и Катя привыкнет. У них с Ларисой и двумя санитарями-носильщиками, был оборудован свой блиндаж на удалении от передней линии. Толком Еремина обжиться не успела. В первый день ее появления на переднем крае началось наступление фашистов. От разрывов мин и снарядов Еремина забилась в дальний угол блиндажа, боясь поднять голову. Лариса только посмеивалась над ней. Когда носильщики принесли первого раненного санинструктор рывкнула на москвичку и та, позабыв страх принялась заниматься положенным делом. Взрывы не прекращались, перемешавшись с ружейно-пулеметной стрекотней. Раненым бойцам они оказывали самую первую медицинскую помощь. Дальше их должны были переправить в батальонный медицинский пункт, а там, в полковой или госпиталь. С каждым часом боя количество солдат получивших ранение увеличивалось. Укрытие наполнялась бойцами. Кровь, стоны, причитания и взрывы, взрывы, все это давило на голову. В промежутке между атаками приполз к ним лейтенант Дима и сообщил, что ночью придет машина за ранеными. Еле дождалась темноты. Грузили сами. Намучались, пока отправили. Упали уставшие и голодные. Из еды нашелся один сухарь, который и поделили поровну. Пока не стреляли, прилегли поспать. С восходом солнца все началось по новой. Артподготовка и новая атака. Пулеметы дота строчили без умолку. Потянулись сюда и те, кого зацепило осколком или пулей. К полудню не вернулся с передовой не один из санитаров-носильщиков. Лариска с серьезным выражением лица собирала санитарную сумку.

— Ну, что подруга, пришел и наш черед.

— Это ты к чему? — настороженно переспросила Еремина.

— На передок пойдем, — без лишнего пафоса, спокойно сказала девушка.

— Так там же крошечный ад! — не хотела, Катя покидать блиндаж.

— Не кому, кроме нас. Бери сумку.

— Лар, а может не стоит? — захныкала москвичка.

— Как это не стоит? Парни там кровью истекают, а мы здесь сидеть будем? Собирайся, тебе говорю.

— Так ведь и убить могут.

— Катька подбери сопли. Ты здесь зачем? Я, чтобы Родину защищать и спасти бойцов мой долг. Если струсила, так и скажи. Я пойму. Значит это не твое, — строго произнесла Лариса. Вопрос санинструктора пришелся в десятку. Действительно, зачем она здесь? Чего хотела? Проверить себя? Понять, где предел возможностей? Неужели на этом блиндаже она и сдулась? Лара не боится и идет. А чем она от нее отличается?

Екатерина сжала кулачки, процедила сквозь зубы: «- Я не струсила».

До передней линии бежали, пригибаясь от пуль, а где-то приходилось и ползти. Катя свалилась в траншею и огляделась по сторонам. В нескольких метрах от нее распластался на дне окопа убитый красноармеец. Такой же самый покойник лежал и на бруствере, сжимая винтовку в руках. Поднялась и побежала дальше. Вот и живые. Мужчины вели огонь по врагу, не отвлекаясь по сторонам. Стрелок с окровавленной головой присел на дно окопа, обхватив ее руками. Еремина оказалась рядом.

— Я сейчас миленький, — достала она бинты. Сильно бабахнуло и пулеметный огонь со стороны дота умолк.

— Сереженька! — безмолвно прошептали губы Ереминой. Где-то поблизости стала слышна немецкая речь. Враг совсем рядом. Он вот-вот ворвется в окопы. И тут она увидела лейтенанта Дмитрия, с перепачканным в сажу лицом и пистолетом в руке.

— За Родину! В атаку! За мной! — что есть силы, закричал младший офицер, и стал взбираться на бруствер. Там он встал в полный рост и с поднятым вверх «наганом» побежал на фашистов. Не молодые солдаты стоящие рядом, выскочили из укрытия и с винтовками наперевес побежали следом за лейтенантом. Раненный в голову паренек, схватил свою «мосинку», и тоже полез следом за всеми.

— Ты куда? — закричала Катюша, не успев закончить перевязку. Красноармеец ее не слушал. Ура! — закричал парень и это ура подхватили и другие. Крик усиливался, перерастая в рокот. Ее пациент пробежал недалеко. Вражеская пуля нашла героя и он, пошатнувшись, рухнул в траву. Тут ожил пулемет в доте. Сначала робко, а потом все более грозно заявляя о своем существовании. Поддавшись общему эмоциональному порыву, Катя тоже выбралась из траншеи, но не для того, чтобы участвовать в атаке, а чтобы вытащить с поля боя раненных. Для двадцатилетней девушки такое дело оказалось весьма трудным. Тот, кто сам мог идти, просто опирался на санитарку, чтобы найти себе опору и передвигал ногами, облегчая работу девушке. Катюша думала, что сорвет спину. Это настоящее испытание на прочность, вытаскивать раненных бойцов под пулями. Она успела помочь всего трем красноармейцам, но для нее это было сродни настоящему подвигу. Контратака бойцов РККА захлебнулась и они под прикрытием пулеметного огня команды Володина, отошли на старые рубежи. Немец с новой силой забросал пехоту минами. Из разговоров солдат Катя поняла, что их молодого ротного убили и теперь остатками подразделения командует политрук. С наступлением темноты стали происходить непонятные вещи. Мимо их медицинского пункта стали проходить бойцы, и шли они в сторону, противоположную переднему краю.

— Что происходит? Вы куда? — стала переживать Лариса. Мужчины молча двигались дальше. Полог плащ-палатки, служивший дверью в блиндаж, отодвинули в сторону и в свете керосиновой лампы девушки улицезрели мужчину, с красными звездами на рукавах.

— Товарищ политрук, что происходит? Почему солдаты покидают позиции? — сориентировалась Лариса, кто перед ней.

— Пришел приказ отступить, — не постеснялся политработник дать пояснения санинструктору.

— А как же раненные? — возмутилась Лора.

— За ними придет машина.

— А лейтенант Володин? — по-своему переживала Еремина. Вошедший мужчина с интересом посмотрел в ее сторону.

— Лейтенант Володин будет прикрывать наш отход.

— Это же верная смерть, — поникла москвичка.

— Это война и здесь выполняют приказы, — строго отчеканил политрук.

— Помогите лучше мне, — обратился он к Кате.

— По-моему зацепило, — показал военный плечо с расплывшимся на гимнастерке пятном крови. Екатерина помогла стащить одежду и принялась обрабатывать рану. Когда политработник остался без фуражки, которая своим козырьком мешала рассмотреть лицо, то Ереминой его физиономия показалась знакомой. Лариска переключила свое внимание на тяжелораненного бойца, выпустив из поля зрения политрука.

— Ну, что проверила себя на прочность? — не громко спросил военный. Катя замерла, услышав знакомый голос.

— Твое желание исполнилось. Пора возвращаться домой. Заплатила за испытание ты сполна. Отдай монету и уходи.

Катюшка чуть не задохнулась от злости.

— Ах, ты сволочь! Сразу не мог сказать, что последует за таким желанием? Ты хоть знаешь, что я пережила? — не стала больше бинтовать его рану санитарка.

— Если бы сказал, то ты не согласилась.

— Но почему я, а не кто-то другой? — не понимала она причины такого выбора.

— Слепой жребий. Лотерея. Ты можно сказать сама его вытащила, когда подобрала монету, — пояснил Виктор.

— Значит все дело в монете? Да, ты кто такой вообще, чтобы так распоряжаться судьбами? — не могла успокоиться Катюша.

— Я же уже говорил, торговец желаниями. Я выполнил твоё желание, и ты расплатилась за него.

— Эмоциями, да? — вспомнила девушка их разговор.

— Может мне тебя поблагодарить, что не жизнью? — чуть ли не схватила она его за грудки.

— Потом поблагодаришь, — спокойно ответил Виктор. Лариса услышала резкие слова подруги и повернулась в их сторону. Санинструктор подумала, что политрук стал приставать к новенькой. Такое часто бывало.

— Нет у меня ни какой монеты, — заявила москвичка.

— Ошибаешься. Она у тебя в нагрудном кармане, — не повышал голос политический работник. Екатерина полезла в карман и действительно нащупала там монету, хотя ее в гимнастерке, абсолютно не должно было быть. Она бросила ему на живот этот проклятый «лотерейный билет».

— И как же ты меня отсюда собираешься вытащить?

— Пока сам не знаю, — пожал плечами Виктор.

— А они? Что будет с ними? — кивнула девушка на получивших ранение бойцов.

— Желание загадывала ты, а не они. Их заберет санитарная машина. Кстати, слышу гул мотора. Пойди, посмотри, не она ли? — серьезно попросил политрук. Катя вышла из блиндажа.

— Раньше ты о простых людях не думала. Испытание пошло впрок, — тихо прошептал военный. Машины видно не было. Еремина для верности прошла немного в сторону дороги и вдруг услышала вой снаряда. Она не успела упасть на землю, когда немецкий боеприпас угодил прямо в блиндаж. Взрыв! Полетели бревна, земля. Ударная волна свалила Катю с ног. На какое-то мгновение она потеряла сознание. Очнувшись от звона в ушах. Из-за этого шума

она практически ничего не слышала. Откашлялась. Тряхнула головой. Шум немного стих. Солдат нигде не было. Блиндажа она тоже не нашла. Контузия, поставила Еремина себе диагноз. Если наши отступают, то надо идти к дороге. Ноги сами потащили ее в сторону шоссе.

Небо заволокли тучи, и она шла практически наощупь. Когда сапоги стали на ровную поверхность, догадалась, что это асфальт. Вдалеке блеснули огоньки фар. Почему без светомаскировки? А может это фашисты? В голове пронеслось куча вопросов. Спрятаться или остаться на дороге? Осталась стоять и не где-нибудь на обочине, а посередине. Так ее не обменешь. Машина приближалась. Водитель увидел на дороге призрака из прошлого и нажал на тормоза. Катя уверенно двинулась в сторону легковушки и, подойдя поближе, просто обомлела. Это же «Москвич 412»! Не полупорка или ЗИС, а именно «Москвич»! Не менее перепугано выглядел и сам шофер. Он, конечно, слышал о ДОТе «Призрачного лейтенанта», но, чтобы призраки выходили прямо на шоссе, для него было впервые.

— До города подвезешь? — спросил призрак человеческим языком.

— Садитесь, — заикаясь, ответил водитель. Когда пассажир плюхнулся на переднее сидение, он тронулся с места.

— Закурить не найдется?

Мужчина слегка трясущимися руками подал пачку сигарет и протянул зажигалку. Девушка покрутила в руках пачку «Космоса» и довольно хмыкнув, достала одну сигарету. Прикурила. Сладостно затянулась и выпустила дым изо рта в открытое окно.

— Дома, — довольно произнесла девушка.

— Какой сегодня год?

Что ни говори, но по имеющейся у мужчины информации призраки не курили «Космос». Не потому, что это были плохие сигареты, а потому, что они вовсе не курили. Из этого выходило то, что он имеет дело с человеком. Это упрощало процесс общения. Вопрос конечно странноватый. Хотя странный не только вопрос а и сам образ пассажира. Военная форма 40-х годов, вся в пятнах крови и, причем свежей, если ему не изменяет зрение.

— Шестое июля 1995 года, — озвучил он календарную дату.

— Мать с ума сойдет, — сама себе сказала девушка.

— Откуда ты? — хотел узнать какие-нибудь данные о пассажирке водитель «Москвича».

— Оттуда! — отрешенно махнула рукой незнакомка и больше на контакт не выходила.

Полоцк светился огнями. Ни какой светомаскировки, это не 41-й. Хозяин «Москвича» остановился по требованию странной спутницы. Она буркнула ему слова благодарности, а он с облегчением продолжил свой путь. Несмотря на позднее время, город не спал. На тротуарах еще можно было встретить прохожих и на проезжей части хватало машин. Екатерина вдыхала полной грудью летний теплый воздух этого мирного, цветущего города. Идущие навстречу люди косились на нее, не зная, что подумать. Группа молодежи попыталась заговорить с Ереминой, но напрасно. Грохоча своими «кирзачами» девушка шла домой. А вот и их старенькая, уютная двухэтажка. Окна в доме не горят. Жильцы, наверное, уже мирно спят. Она по лестнице поднялась на второй этаж и нажала кнопку звонка. За дверью долгое время была тишина, потом послышались грузные шаги. Щелкнул дверной замок. Перед ней возник дядя Игорь в майке, полосатых семейных трусах и тапочках на босую ногу. Он внимательно смотрел на странную гостью, прежде, чем признал в ней племянницу.

— Катя? — изумленно воскликнул Игорь Иванович. Словно по мановению волшебной

палочки из-за его спины появилась и тетка в ночном халате.

— Катенька! — всплеснула руками Зинаида Васильевна и прижала к себе девушку.

— Ты вернулась? Идем скорее в квартиру, — потащила она ее с лестничной площадки. В коридорчике москвичка остановилась и стащила сапоги, бросив рядом с ними портянки. Дядюшка, как в немом кино, только открывал рот, не зная, что сказать. Тетка потащила Еремину в зал, но та уперлась, остановившись возле кухни.

— Тетя Зина, у вас что-нибудь поесть не найдется? Я больше суток ничего не ела. Нашу полевую кухню фрицы разбомбили, — сказала Катя, усаживаясь за стол. В квартире услышав движение, стали просыпаться остальные члены семьи. За спиной дяди Игоря показалась мордашка Оли, и в кухню протиснулся Сашка.

— Катька? Ты откуда такая? — удивляла всех, ее форма одежды.

— Какие фрицы? — наконец выдал из себя Игорь Иванович. Тетя поставила перед племянницей тарелку с котлетами и та своими грязными руками схватила верхнюю и стала жадно жевать. У Зинаиды Васильевны по щекам текли слезы радости. Их пропавшая без вести девочка, вернулась спустя две недели.

— Тебя выкрали? Чего они хотели? — не могла понять женщина всего происходящего.

— Нет, никто меня не похищал. Я к вам с передка пришла, — заявила москвичка, приступая ко второй котлете.

— Катюха, с какого передка? Ты можешь пояснить? — присел перед ней на корточки двоюродный брат.

— А какие передки бывают? С передней линии фронта естественно, — даже немного обиделась Катя такой «дремучести» брата.

— Какой фронт? Ты о чем? — дотронулся Сашка до ее колена.

— Может у нее с головой не того? — высказала свою гипотезу Оля. Екатерина отложила в сторону недоеденную котлету и встала.

— Меня действительно немного контузило, но это не в счет.

— Так, где ты была все это время? Что это за маскарад? — хотел дядя, чтобы она внесла ясность.

— В Полоцке я была, только в 41-вом, — четко произнесла Екатерина.

— Оля, можно ванну организовать? Я помоюсь и все вам расскажу. Нас два дня фрицы утюжили, мне бы отмыться немного.

Ее лицо действительно было серого цвета, но не от загара, а от слоя пыли на коже. Под ногтями грязь и запекшаяся кровь. Двоюродная сестричка метнулась выполнять просьбу. Катька побрела в ванную комнату.

— Зина, ты слышишь, о чем она говорит? Какие фрицы? Какой передок? Тут скорую надо вызывать. С девочкой, что-то не так, — возмутился Игорь Иванович.

— Да погоди ты Игореша! Успеешь со своей скорой. Сейчас она сама все расскажет. Надо звонить в Москву, сестре. Она там с ума сходит. Пусть прилетает первым рейсом в Минск, — пошла к телефону тетка. Межгород долго срывался, но наконец, ей удалось сделать звонок. На том конце провода сонный женский голос спросил: «- Алло, кто это?»

— Валя, это я Зина. Извини, что так поздно. Катя нашлась.

Услышав такую новость, москвичи сразу ожили и засыпали полоцких абонентов вопросами. Семейство Новиковых слушало, как их мать ведет переговоры с сестрой.

— Позвать не могу, она в ванной. Пришла сама, совсем недавно. В сапогах и военной форме. Голодная, грязная и уставшая. Несет нечто невообразимое, будто-бы попала в 1941

год. Я же тебе говорю, что в гимнастерке. Форма вся в крови. Сама целая. В общем, приезжай и все увидишь сама. Бери билет на первый рейс до Минска и к нам, — дала наставление сестре Зинаида Васильевна. Оля послушала, что расскажет мать и пошла к ванне, держа в руках все необходимое для переодевания. Постучала.

— Входи, — догадалась Катя, кто это может быть. Она лежала в ванной под теплой струей воды бежавшей из крана.

— Я тут тебе сменную одежду принесла.

— Спасибо сестричка. Ты не представляешь, какое это блаженство, — плеснула водой Еремина.

— Кать, с тобой все нормально? — озабоченно спросила Новикова.

— Ты думаешь, я сошла с ума? — усмехнулась Еремина.

— Посмотри в нагрудном кармане гимнастерки.

Оля по просьбе Кати взяла в руки ее вещи и проверила карман. В нем лежал сложенный вчетверо листок бумаги. Ольга развернула его.

— Настоящая справка выдана Екатерине Семеновне Ереминой в том, что она является санитаркой военного госпиталя № 431. Дата. Подпись. Печать, — прокомментировала Оля прочитанное.

— Такие справки психам не выдают. Год, видишь какой?

— Ну? — не понимала Новикова, куда клонит Катька.

— Я там была. В 1941, здесь в Полоцке работала санитаркой, а потом на передовой.

— Катюха, как такое могло случиться? — не знала, как выразить свои эмоции, двоюродная сестра.

— Сама не знаю. Зашла в ДОТ переодеть купальник, а вышла в 1941. Обрато почти так же. Переход совершила неподалеку огневой точки. Две недели побывала во фронтовом Полоцке. Посмотри на эти мозоли, — показала она ладошки.

— Противотанковые рвы копала, — не то похвалилась, не то пожаловалась Еремина.

— И как оно там? — задала вопрос девушка.

— Красиво, интересно и страшно! — нашла, что ответить Екатерина.

— А мы тут тебя всем городом искали. Мать с тетей Валею подняли всех на ноги. Все, что могли, облазили, а ты как в воду канула. Думали, что тебя похитили. Тут столько слез выплакали, — поделилась и своими переживаниями девушка.

— Мне очень жаль, что так получилось. Я так по ним соскучилась, — призналась Катя.

— Завтра твои должны приехать. Мать уже позвонила в Москву, — сообщила Ольга.

— Вот и хорошо, — произнесла Еремина, с головой погружаясь в воду. Двоюродная сестра покинула ванную.

— Как там она? — ждали ее за дверью.

— Купается. Посмотрите вот на это, — протянула она родственникам справку. Новиковы склонились над бумажкой.

— И что это значит?

— То, что Катька действительно очутилась в 1941 году. Она сама все расскажет, и я ей верю, — заявила сестра. Зинаида Васильевна повернулась к мужу.

— И для кого тут скорую помощь вызывать?

— Ну, знаете! — пожал плечами Игорь Иванович.

Катя не стала утомлять родственников ожиданием, хотя ей так хотелось понежиться в теплой воде. Устроившись в зале на диване, она поведала историю своего путешествия в

прошное. В особые подробности не вдавалась и роль Виктора во всей этой истории, тоже умолчала. Здесь и так одни загадки, а если приплести и высшие силы, то вообще никто во все произошедшее не поверит. Так за разговорами встретили рассвет. Молодежи не терпелось поделиться с друзьями этой невероятной историей, но тетя в духе социалистического строя решила все засекретить. Зачем людям лишнее знать? Неприятности могут возникнуть. Реклама их семье не нужна. С милицией она решит сама, а остальным следует придерживаться версии, что Катя случайно встретила знакомых путешественников по стране, и по своей ветрености, не сообщив родителям, примкнула к этим путешественникам. Пусть легенда и не очень складная, но другой пока не было. Ереминой было все равно. Знакомых у нее в этом городе не было, и делиться переживаниями особо не с кем. Екатерина после ночных перипетий уснула. Молодежь осталась дома, а родители ушли на работу. Зинаида Васильевна уловив свободную минуту, заглянула в городской отдел милиции к своему старому другу подполковнику Решетняку. Тот, узнав о прибытии Новиковой, ускоренным темпом провел оперативное совещание и пригласил женщину к себе.

— Что случилось Зина? — хотел он узнать причину визита.

— Закрывай дело Володька, племянница нашлась, — заявила Зинаида Васильевна.

— Интересно. И где была? — хотел он узнать подробности. Это дело об исчезновении москвички было резонансным и взято на контроль в области. Васильевна выложила свою корявую версию, при этом опустив от стыда глаза. Подполковник понял, что ему врут.

— Зин, мы с тобой за одной партией пять лет просидели, ты можешь сказать правду? Наркотики? Что там еще может быть? — размышлял милиционер.

— Типун тебе на язык! Какие наркотики? Я понимаю, что она девка из Москвы, но ты же знаешь мою сестру. Она такое не потерпит.

— К сожалению статистика, говорит о том, что молодежь не прислушивается к мнению старшего поколения, — пессимистически смотрел на это подполковник.

— Вова, мне нужно, чтобы закрыли это дело и не терзали расспросами племянницу.

— Да, понял я тебя. И все же? Кроме нас это никто не будет знать, — обещал Владимир.

— Ты не поверишь и скажешь, что я опять вру, — замаялась Новикова.

— Неужели все так сложно? — ждал продолжения мужчина.

— Помнишь, где она пропала?

— У ДОТа «Призрачного лейтенанта», — естественно помнил милиционер.

— Она там, как бы правильнее сказать? Провалилась во времени. Оказалась в 1941 году. Ты только не смейся. Никто ее не похищал и никуда она не уезжала. Она была здесь, но только 54 года назад. Вчера явилась в военной гимнастерке и сапогах. Грязная, голодная. Начала такие вещи рассказывать, что волосы ставали дыбом. Вот посмотри, что у нее, было, — протянула она справку, выданную Ереминой в госпитале.

— Да..., - протянул подполковник.

— Ты знаешь Зина, у меня была подобная версия, но я побоялся ее озвучить. Подумали бы, что я умываю руки, неся такую околесицу. Я ведь проверял информацию, поэтому ДОТу. В 1968 там пропал мужчина при схожих обстоятельствах. Зашел вовнутрь и исчез. Дело замяли, а пропавшего, так и не нашли. В 1980 исчезла женщина и тоже у «Призрачного лейтенанта». Так что твоя племянница не первая, но единственная, кому удалось вернуться. Возможно там какая-то природная аномалия.

— Спасибо, что поверил, — взяла Зинаида Васильевна одноклассника за рукав кителя.

— Ты, все равно приведи ко мне свою племянницу. Мне соблюсти формальности надо. О нашем разговоре, я никому ни слова.

Новикова похлопала подполковника по плечу.

— Ты настоящий друг.

— Да, ладно тебе! Я просто отрабатываю все списанные у тебя задачки, — заулыбался Владимир. Зинаида Васильевна хихикнула и озорно махнула на него рукой.

Катя проспала до обеда. Родителей еще не было. Чтобы не терять даром времени решила пройти к бабушке. Она ведь тоже за нее переживала. Одну ее не отпустили. Оляк увязалась хвостиком, как надзиратель. Дверь в дом бабушки была открыта.

— Бабуль? — позвала хозяйку Ольга.

— Кто там? — слышалось из кухни.

— Это я, Оля и Катя, — отозвалась Новикова.

— Катя? — появилась и сама бабушка. Внучки перебазировались на кухню, где Раиса Ивановна варила борщ. Мать Ольги уже успела сообщить бабушке хорошие новости, но своей обработке. Не отвлекаясь от работы по кухне, бабуля задала головомойку московской внучке. Если придерживаться версии тети Зины, то ругать было за что. Она мужественно испила эту горькую чашу порицаний. Благо баба Рая была отходчивой.

— Обедать будете? — предложила Тихонова. Девчонки кивнули головами. Они ведь пришли не только нравоучения выслушивать. Должно же быть в этом походе и что-то приятное? Бабуся насыпала в тарелки горячего борща и нарезала черного хлеба. И тут Катя заметила у нее шрам на руке. Раньше на такие вещи не обращала внимания.

— Ба, а что это у тебя на руке? — спросила Екатерина.

— Шрам с детства. Утюгом прижгла. Раньше знаете, какие утюги были? Не то, что сейчас.

Упоминание утюга, словно током ударило Катюшу. Бабушку Раей зовут и ту девочку, что ее приютила в доме на улице Коминтерна 12, тоже Раей звали. Оляк попробовала борща и довольно сообщила: «- Он у тебя такой вкусный. Ты такая мастерица!»

— Что я? Вы бы попробовали борща у моей матери. Вот, где настоящий борщ.

— А мать случайно не Дарьей Петровной звали? — с серьезным выражением лица спросила Катя.

— И фамилия у нее Волкова была?

— Так и звали, — подтвердила ничего не подозревающая бабушка.

— Отец Иван Афанасьевич? Работал машинистом на паровозе? — продолжала спрашивать Екатерина. Сестренка, сидящая напротив, удивленно посматривала на московскую родственницу. Бабушка заволновалась.

— Ты чего это стала интересоваться нашими родственниками? Они умерли давно. Зачем они тебе?

— Это раньше не стала бы спрашивать, сейчас все изменилось, — загадочно ответила Катя.

— Бабуля, можно еще, кое о чем спросить из твоего детства?

— Спрашивай, коль интересно.

— Ты ведь коренная жительница Полоцка?

— Ну, да. Родилась я здесь и всю жизнь прожила, кроме эвакуации конечно, — подтвердила Тихонова.

— Вышла замуж здесь и здесь же вашего деда и похоронила, — продолжила она.

— Ба, а почему ты никогда не рассказывала о своем брате Пете? Где он кстати?

— Кто тебе о Петьке сказал? — Раиса Ивановна зыркнула в сторону Ольги. Та в ответ пожала плечами, мол, она и сама ничего не знает.

— Зина вечер воспоминаний устроила? Так и она о Пете ничего не знает. Он после нашего возвращения в Полоцк на mine подорвался, еще до рождения Зинки. Кто тебе о нем сказал?

Екатерина проигнорировала этот вопрос.

— Бабуля вас отец эвакуировал 23 июня 1941 года. Сам ведь он остался? Что с ним случилось?

— Погиб папенька под бомбежкой. Самолеты настигли его поезд. Что ты мне душу берендишь? Ешь, давай.

— Бабушка, милая, а теперь вспомни, пожалуйста, как началась война? Вы ведь жили на улице Коминтерна 12? И собаку вашу Шариком звали. Вспомнила?

— Чего ты хочешь? — нервничала Раиса Ивановна.

— В тот день к вам прибилась девушка с разбомбленного поезда из Бреста.

— Была такая, — кивнула головой Тихонова, напрягая память.

— В этот день Дарья Петровна затеяла стирку, и ты таскала воду из колодца. На следующий день приехал твой отец, и ты от радости обронила огромный уют, что грели на печи. Вот оттуда и ожог. А бинтовала твою руку гостя из Бреста.

— Но это никто не знает. Я никому, никогда это не рассказывала. Откуда это тебе известно?

— Да потому-что эта девушка я! — чуть не закричала Катя.

— Все, что тебе сказала тетя Зина выдумка. Никуда я не уезжала. В ДОТе «Призрачного лейтенанта» я провалилась в 1941 год и совершенно случайно вышла на тебя.

У нее была, конечно, версия насчет Виктора и этой удивительной случайности, но она приберегла ее до следующего раза.

— Ты, хрупкая девочка, таскала огромными ведрами воду из колодца. Я была голодна, напугана и не знала куда идти. Это ты привела меня к Дарье Петровне. Она накормила меня и дала кров. На следующий день вы уехали и оставили дом на меня. Вспоминай!

Руки бабушки затряслись. Олька сидела с широко раскрытым ртом.

— Но этого не может быть! — простонала Раиса Ивановна.

— А еще ты хотела посмотреть голубка на моем плече.

Катя спустила плечико платья, чтобы было видно татуировку.

— Вот он, смотри!

— Нет, нет, такого не может быть! — шептала бабушка.

— В ту ночь ограбили 35 магазин и убили сторожа, — пригвоздила Еремина бабу Раю своим последним доводом.

— Катенька! — бросилась бабушка обнимать внучку.

— Это ты?

— Я бабуля! Я только оттуда вернулась.

Они стояли, обнявшись, и рыдали во все горло. Олька ошарашенно пялилась на парочку, не совсем понимая, как Катя могла быть знакома с бабушкой в ее детстве? Наплакавшись, Раиса Ивановна подошла к навесному шкафчику и достала оттуда начатую бутылку коньяка.

— Берегла для особых гостей, но больше, чем ты, особенных я не дождусь. Давайте помянем моих родителей и брата, — предложила Тихонова. После первой Катя рассказала

бабушке, как очутилась в другом времени. В первый свой рассказ она опускала много деталей, а здесь не скупилась на подробности и Ольга слушала повествование двоюродной сестры с раскрытым ртом. Пользуясь тем, что бабуля всю жизнь прожила в Полоцке, Катя попыталась узнать о судьбе военврача третьего ранга Ковале, ведь он тоже был местным. Раиса Ивановна задумалась.

— По-моему работал у нас в поликлинике такой врач. Ты у Зинки спроси, она в городском совете работает и сможет точно узнать, — посоветовала бабушка. Катя даже и не ожидала, что ей так может повезти. Увидеть живого Гришу, предел желаний. Сколько ему сейчас? Годков 85 не меньше. Вспомнит ли он ее?

Бутылку они закончили до того, как появились родители Екатерины. Валентина Васильевна была, конечно, сильно удивлена обнаружив на кухонном столе матери, пустую бутылку из-под коньяка. Раиса Ивановна ничего пояснять не стала, а лишь сказала, чтобы дочери не вздумали ругать ее внучек. Затем снова были слезы и причитания. Валентина Васильевна хотела сразу забрать дочку домой, но Зина настояла, чтобы они сходили в городской отдел милиции и закрыли дело у подполковника Решетняка. Утречком Игорь Иванович на своих «жигулях» доставил девушку к зданию МВД. Решетняк оказался очень приятным человеком. Они долго разговаривали по душам. Ему, не как милиционеру, а как простому человеку было интересно услышать о том, что пережила Еремина, и каково было в Полоцке в начале войны. Катя тоже не постеснялась решить свою проблему, через начальника милиции. Дело Владимир Павлович обещал закрыть и больше Катю по этому вопросу не тревожить. Еремина из отдела вышла с адресочком в кармане. В Полоцке действительно проживал Коваль Григорий Семенович. Осталось только узнать, тот ли это Коваль. Таксист быстро доставил ее в нужное место. Она прошла в ухоженный дворик между сталинских двухэтажки нашла нужную квартиру. На звонок никто не отвечал. Соседке надоело слушать трели звонка, и она вышла на лестничную площадку.

— Девушка, вы к кому? — придиричиво осмотрев Еремину, поинтересовалась пышная женщина с бигуди на голове.

— Я к Григорию Семеновичу. Вы не знаете, он дома?

— Так, нет его. С утра опять пошел на базар книжки свои продавать. И скажите, кому они сейчас нужны? — возмутилась барышня.

— А почему он торгует книгами? — не поняла девушка.

— Здрасьте! Вы как не с этой планеты. Какая у мужика пенсия? Разве на такую проживешь? У него детей нет, помогать не кому. Всю жизнь прогорбатился в больнице и получил!

— Он во время войны хирургом в госпитале был, — озвучила Катя одну из страниц биографии Ковале.

— Тем паче! — продолжала возмущаться соседка.

— Как сейчас к ветеранам относятся? На девятое мая цветочки подарят, может, какую-нибудь юбилейную медальку дадут и на целый год забудут.

Тут с дамочкой трудно было не согласиться. Девяностые годы, не самое лучшее время не только для ветеранов.

— И как мне его увидеть?

— Можно пройти несколько кварталов и там будет небольшой «блошинный рынок», там он и стоит, — подсказала женщина. Катя поблагодарила соседку за информацию и вышла из подъезда во двор. Сегодня ей однозначно везло, так как навстречу двигался седовласый

старичок с сеткой в руке, в которой лежала стопка книг. Не трудно было догадаться, что это был ее знакомый военврач третьего ранга.

— Коваль Григорий Семенович? — задала она вопрос, чтобы окончательно убедиться, что перед ней именно тот человек, которого она ищет. Получилось как-то официально, по — милицейски. Старик напрягся.

— А вы собственно, кто?

Что ответить? Сказать, что я твоя Катя? Не поймет. 54 года прошло. Она сама его еле узнала.

— Я, Катя, корреспондент местной газеты, — соврала девушка.

— «Полоцкого Вестника»? — удивился Коваль.

— Его самого, — утвердительно кивнула головой москвичка.

— У меня редакционное задание, написать статью о героической обороне города, в свете 50 летия Победы, — на ходу выдумывала Екатерина.

— Это милочка не ко мне. Я в глубоком понимании этого слова, не совсем военный.

— Но вы же военврач третьего ранга? Разве это не военный? — последовал со стороны Ереминой свой контраргумент.

— Вы хорошо осведомлены. Не иначе были в больнице, где довелось мне поработать. Я давно на пенсии. И кстати, военврач он вроде и военный, но хирург. Вам, скорее всего, нужен будет пехотинец или артиллерист. Что проку о хирурге писать? Да и в Полоцке мы недолго были.

— Вы имеете ввиду военный госпиталь № 431? — не отставала Екатерина.

— Его самого, — подтвердил мужчина.

— А разве хирурги мало сделали для нашей победы? Кто выхаживал раненных и ставил их в строй? Мы незаслуженно забываем не только работников тыла, но и военных медиков. Я хочу написать не только о пулеметчиках и танкистах, но и о вас, — настаивала Катя.

— Ну, что — ж, коль вы так желаете, то пройдемте ко мне в квартиру, — позвал Коваль ее в гости. В жилище Григория Семеновича было пыльно и не прибрано. Типичное холостяцкое помещение. Он бросил на подоконник свою ношу и шаркающими шагами направился в кухню.

— Ничего кроме чая предложить не могу, — послышался шум воды.

— И не надо. Я же не есть, сюда пришла, а побеседовать, — крикнула Еремина в другую комнату. Она прошлась по комнате, осматривая ее убранство. Обычная мебель для подобных квартир. Разве, что большой абажур над круглым столом, в стиле 30-х годов. Достоянием хозяина, судя по отсутствию стенки с хрустальной посудой, и наличию полки с книгами, были явно не материальные блага, а духовное направление.

— Извините за беспорядок. Все как-то не доходят руки, — появился в комнате хозяин.

— Вы живете сами?

— Скорее вас интересует вопрос, женат ли я? Нет, Катенька.

Ей или показалось или имя Катенька, он повторил с какой-то скрытой нежностью.

— Как-то не сложилось. Чего греха таить, женщины в моей жизни были, но до женитьбы дело не дошло. Но, вы же не по этому вопросу ко мне пришли?

— Знаете, чтобы написать о человеке заметку нужно понять его. Чем он дышит, как мыслит, как живет? Можно конечно отделаться и формализмом. Парочкой простых фраз, которые абсолютно ничего не скажут о герое.

Собеседник с интересом посмотрел на журналистку.

— Вы слишком молоды, а уже мыслите критериями маститых писателей. Кому сейчас нужны эти копания? Сейчас все думают, как выжить самим, и какой-то старик со своими воспоминаниями никого не заинтересует, — смотрел более приземленной на эти вещи хозяин квартиры.

— Возможно, вы и правы. Читателю будет на это наплевать, а вот мне нет. Чтобы научиться писать как Шолохов или Фадеев, нужно все пропустить через себя. Я только этому учусь и не хочу вырасти безразличной, — сама себе удивилась Катя, выдавая такие «перлы».

— У вас хорошая библиотека, — похвалила его гостья, подойдя к книжной полке. Она провела пальцами по корешкам книг.

— У вас столько томов со стихами. Хотите, я угадаю, кто ваш любимый поэт?

Григорий Семенович замер в ожидании.

— Сергей Есенин. Угадала? Могу поспорить, что вы знаете много его произведений наизусть и, наверное, даже читали их когда-то девушкам? — задела Еремина за струны души военврача.

— Только одной, — грустным голосом ответил врач.

— Почему одной? Другие не заслужили?

— Они просто не понимали поэзии, — пояснил Григорий Семенович.

— С этой одной у вас не сложилось? — хотела Катя услышать от Григория отношение мужчины к их мимолетному роману.

— Война разлучила нас, — вздохнул старик. Катя потянулась к верхней полке и вдруг замерла от неожиданности. Там стояла старая групповая фотография сотрудников госпиталя, сделанная в конце июня 1941. Она осторожно взяла ее в руки.

— Григорий Семенович, это фото вашего госпиталя? — пересохшим от волнения голосом спросила москвичка.

— Да. Одно из ранних. Здесь еще первый состав врачей. Его сделали в самом начале войны, — подтвердил Коваль.

— 30 июня, — уточнила Ерёмина.

— А вы откуда знаете? — удивился Григорий.

— Догадалась, — не стала раскрывать тайны Катерина. Она взяла фото и пошла к столу.

— Расскажите о своем госпитале, — попросила девушка. Григорий Семенович поведал об истории образования военного госпиталя, о том, где он базировался, и кто его возглавлял. Рассказывая эти факты, он заметил характерную особенность, журналистка ничего не записывала.

— У меня хорошая память, — так ответила корреспондент «Полоцкого Вестника». Закипел чайник на кухне и хозяин ушел, чтобы сделать чая. Катюша колебалась, говорить ли Григорию кто она на самом деле или нет? Выдержит ли его сердце такое признание? А если промолчать, то ее саму разорвет от нахлынувших эмоций. Завтра она уедет и возможно уже больше никогда не увидит своего Гришу. Ему без малого 85 и что будет завтра неизвестно. Этот негодяй Виктор, даже после ее возвращения продолжал испытывать Катю на прочность, создавая подобные ситуации. Сначала бабушка, теперь Гриша, кто будет завтра? Может Сережа? «Призрачный лейтенант» придет передать ей привет? Хотя по-хорошему, это она сама должна с ним проститься.

Она не притронулась к чашке, в которой плавал дешевый пакетик чая, не потому-что брезговала, а потому-что продолжала рассматривать фото. После двух недель пребывания в

том далеком Полоцке, с чувством брезгливости у нее произошли определенные трансформации. Она помнила, как делила с Ларисой черствый кусок хлеба и поэтому этот чай не мог вызвать ни каких отрицательных эмоций, тем более, что его предложил дорогой для нее человек.

— Этот мужчина в центре ваш начальник госпиталя? Важно выглядит.

— Да, это он, — согласился Семенович, сделав глоток горячего напитка.

— Григорий Семенович, а у вас сердечные капли имеются? — не по теме спросила Еремина, все-таки решившись раскрыть свою тайну.

— У вас больное сердце? Такая молодая и уже сердечница? Сейчас посмотрю. Кое-что у меня есть, — встал Коваль, чтобы посмотреть лекарство.

— Какие отношения у вас были с военврачом первого ранга Павловым? — спросила Катя, чтобы узнать, как повлияло на карьеру Гриши ее исчезновение.

— Хорошие. Он даже помог мне в одном щекотливом деле. Пойдите, Катя, но я не говорил вам фамилию начальника. Откуда вы ее знаете?

— Это же не тайна? Я готовилась к нашей встрече, — оттягивала признание Еремина.

— А где на этом фото вы? — притворилась незнающей корреспондентка газеты.

— Вот и я, — указал он пальцем.

— Молодой, красивый, — улыбнулся Григорий. То, что красивый, это точно. Нельзя не согласиться.

— Кто это рядом с вами? — ее пальчик остановился на Соне.

— Моя операционная сестра Соня, — ласково отозвался военврач.

— Софья Егоровна?

— Верно, — округлились глаза у Ковалья.

— А перед вами кто стоит?

— Санитарка Катя. Кстати, ее, как и вас звали, — отметил сходство хирург.

— Это ей вы стихи читали? — последовал очередной каверзный вопрос. Хозяин квартиры замолчал, пристально смотря в глаза госты. О том, кому он читал стихи, уже знать никто не мог.

— Этих деталей нет в открытых источниках. Такого обо мне даже в больнице не расскажут. Кто вы на самом деле? Вы ведь не журналистка? Если я ошибаюсь, то покажите журналистское удостоверение, — заподозрил неладное хозяин.

— Зачем так волноваться? Я просто угадала. Вы так положили ей руку на плечо, будто бы очень дорожили этой девушкой. На фотографии никто кроме вас, так не стоит, — обосновала она свои слова. Мужчина немного успокоился.

— Я вижу у вас коллектив многонациональный? Вот грузин стоит.

— Это Беридзе Зураб. Тоже хирург, — прокомментировал хозяин.

— Говорят грузины падкие на женщин? Ваш Зураб наверное не такой?

— Что сейчас былое вспоминать? Все мужчины любят женщин, — вздохнул Коваль.

— Вы тоже любили? Наверное, и у вас был какой-нибудь военно-полевой роман? Вот, хотя бы с этой Катенькой. Она ведь наверняка вам нравилась? Только уж больно молодая.

— Послушайте, товарищ журналист, вы, о чем писать собрались? О моей личной жизни или о госпитале? — напомнил Коваль цель ее визита.

— Лекарство пить будете? — поставил он переднейстакан с водой, который предварительно накапал сердечных капель.

— Не сейчас, — не спешила Екатерина, подумав, что питье понадобится самому

Ковалю.

— У вас много книг и читаете, наверное, много?

— К чему вы это спрашиваете? — не понял Григорий Семенович, куда клонит гостя.

— О путешественниках во времени никогда не читали? — продолжала она.

— Допустим, читал и что из этого следует?

— А если бы сами с таким феноменом столкнулись, то, как повели себя?

— Вы о путешественниках писать собрались или о войне?

— О том и о другом, — туманно ответила Еремина.

— Эта Катя, что вы о ней знаете? Кроме того, что она сказала, что была в Бресте у тетки и ее поезд разбомбило. Вы ее документы видели? Нет, но поверили на слово.

Коваль присел на стул и расстегнул верхнюю пуговицу рубахи. Девушка подвинула к нему стакан.

— Откуда вам известны такие подробности? Этой информации нет нигде.

— Почему? А Катя? — не согласилась москвичка.

— Она жива? — спросил мужчина.

— Это она прислала вас?

— Не прислала. Я сама перед вами, — сделала неожиданное заявление гостя.

— Вы, Катя? — не поверил Коваль.

— Сколько вам лет?

— Двадцать, как было и в 1941 году.

— Быть такого не может! — не хотел в такое верить Григорий Семенович.

— Я же говорю вам, что я путешественница во времени. Не по своей конечно воле. Я вернулась оттуда всего два дня назад.

Катя взяла свою сумочку и достала оттуда паспорт.

— Смотрите, — открыла она документ.

— Еремина Екатерина Семеновна, 1975 года рождения, город Москва.

— Это не доказательство, — упирался Коваль.

— Тогда посмотрите на это, — легла на стол справка выписанная начальником госпиталя.

— Это вы помогли мне ее сделать.

— Нет, нет, — пошла в ход и вторая пуговица.

— Гриша, это я, — положила она руку на его сморщенное от времени запястье.

— Вспомни, как ты попросил Соню вывести меня через прачечную. Кстати, ты знал, что ее отец репрессирован? — перешла на ты, Катерина.

— Хочешь, я покажу тебе на фотографии Надю и Маргариту Львовну? Если бы меня кто-то подослал, то уж точно я бы не смогла сориентироваться на фото. Ведь и о Зурабе Ароновиче, я недаром спросила. Девчонки его за глаза называли шоколадным хирургом. Я все помню и твое «Шагане» и нашу единственную ночь вместе. Ты тогда пришел ко мне такой смешной, в своих семейных трусах. Попросил показать татуировку «голубка». Смотри, она никуда не делась, — оголила Катя плечо, ни сколько не стесняясь, что перед ней сидел почтенный старик. Вот тут лекарство и пригодилось. Ереминой пришлось даже встать от переживания, что с Григорием может случиться сердечный приступ. Мужчина отдышался и рухнул перед Екатериной на колени, уткнувшись лицом ей в живот и обняв руками ноги девушки.

— Катенька!

Сквозь тонкую ткань платья она почувствовала, как обожгли ее горячие слезы Гриши.

— Я ждал тебя всю жизнь. Никому больше сердца так и не открыл.

Катя подняла старика с колен.

— Прости меня Гриша, что не сказала тебе сразу. Тогда этого было нельзя. Хватило и доноса Львовны. Я просто, не знала смогу ли вернуться обратно. Получилось. Я здесь всего два дня и будто-бы с тобой и не прощалась, а ты уже старик.

— Старик Катенька, — согласился мужчина, вытирая слезы.

— Не пойму как такое могло произойти? Ты только вернулась, а я без тебя прожил 54 года?

— Не знаю, Гриша, — погладила она его седую голову.

— И что теперь будет? — хотел знать Коваль.

— Завтра родители заберут меня в Москву. Они тоже много пережили, и я их понимаю, — ответила Еремина. Это было понятно, что старик и девочка вовсе не пара.

— Значит, я больше тебя никогда не увижу? — опустил голову мужчина.

— Не забирай у меня последнюю надежду, я только ей и живу. Я верил, что ты спасешься и думал, что смогу тебя найти. Вот и нашел, но не я, а ты меня.

— Я приеду к тебе на следующий год, — обещала Еремина, обнимая Григория Семеновича. Они еще долго говорили, вспоминая былое, но время неумолимо и пора было прощаться.

— Мне надо идти. У меня осталось одно незавершенное дело.

Старик со слезами на глазах провожал ее до самого выхода на улицу. У Кати у самой катились слезы по щекам. Наверное, зря она так поступила. Григорий Семенович мог и не перенести такие испытания, но с другой стороны она словно сняла камень с его души. Если это и будет его предсмертный вздох, то наполненный облегчением и любовью. Она не жестокая, просто времени у них осталось совсем мало.

Дома появилась с красными от плача глазами. Мать сразу засуетилась

— Катенька, что с тобой? Кто-то обидел?

Никто не обидел. Это все призраки прошлого. И к одному из них она собиралась поехать. Когда заявила, что желает посетить ДОТ «Призрачного лейтенанта», то натолкнулась на сопротивление матери. Та не желала, так больше рисковать дочерью. Мало ли, что может снова произойти в этом ДОТе? В другой раз Катя обязательно бы отступилась и не стала перечить матери, но не сейчас. Она должна перед своим отъездом навестить это место. Компромиссное решение предложила тетя Зина. Можно было совершить поездку на машине Новиковых и в сопровождении отца Кати Семена Романовича и дяди Игоря. Как ни как два взрослых мужика не дадут ее в обиду. На том и порешили. Прежде, чем «жигуленок» Новиковых выскочил за город, они успели купить букет цветов. На свидание ехали все-таки, свидание с призраком. Укрепление встретило их серыми тучками на небе, которые на время закрыли солнце. Их машина остановилась почти у самой долговременной огневой точки. Невдалеке копались в земле несколько парней и девушка. Они отвлеклись от работы и подняли головы, наблюдая за незваными посетителями. От их группы отделился молодой человек в клетчатой рубашке, края которой были завязаны на узел, на животе парня.

Увидев цветы в руках девушки, он успокоился, поняв, что имеет дело не с вандалами.

— Кто-то воевал в этих краях? — дружелюбно спросил подошедший.

— Воевал, — за всех ответила Катя.

— Мы тут раскопки ведем. Ищем останки воинов, чтобы перезахоронить их, — пояснил

паренек.

— Хорошим делом занимаетесь, — вступил с ним в разговор Игорь Иванович. Катюша под присмотром отца уверенно зашагала внутрь ДОТа. Здесь царили сумерки. Еремина остановилась в комнате, откуда просматривалась дорога.

— Здравствуй, Сережа! — громко крикнула она.

— Это я, Катя!

В уцелевшей трубе воздуховода, что-то загудело, и в амбразуру выпорхнул испуганный голубь. Семен Романович от неожиданности втянул голову в плечи.

— Пойдем отсюда, доченька, — попросил отец. Парочка двинулась к выходу. Солнышко вновь вынырнуло из-за туч, приласкав людей своим светом. Еремина собиралась оставить цветы у серой бетонной стены, когда ее глаза уперлись в надпись, скорее всего сделанную совсем недавно. Она могла биться об заклад, что когда они входили внутрь, ее не было, или она просто ее не заметила? Писали здесь многие и не всегда хорошие слова, но это предложение написанное мелом не вязалось в канву всех сделанных надписей. Оно было коротким и емким: «Катя, я тебя люблю!» Были ли здесь другие Кати, кроме нее? Наверняка были. И какой-то мальчишка мог признаться, таким образом, в своих чувствах к девушке. Но почему-то ей казалось, что надпись появилась после их посещения огневой точки, а значит, ее мог написать только лейтенант Володин. Пишут ли призраки на стенах? Из литературы Катя знала, что они могли и не такое, значит, Сережка услышал ее и откликнулся. Девушка положила цветы. Дядя Игорь уже стоял у ребят, которые ковырялись в земле. Пришлось и Ереминым подойти поближе. На расстеленной плащ-палатке лежали кости и бытовые вещи солдат, найденные поисковиками. Катюша заметила и ржавый корпус часов похожий на те, что были у лейтенанта Володина. Парень в клетчатой рубашке рассказывал Игорю Ивановичу о десятом отдельном пулеметном батальоне, который оборонял эти позиции. Катя постояла, немного послушав рассказчика. Парнишка сетовал, что они не нашли ни одной капсулы с именем погибших солдат. Очень будет сложно найти информацию о защитниках ДОТа.

— Запишите себе, — неожиданно потребовала Еремина.

— Командовал гарнизоном этого ДОТа лейтенант Сергей Володин, родом из Минска. Это можно найти в архивах. А еще был сержант Петренко, родом с Украины. Больше ничего не знаю, — объявила она и, повернувшись, пошла к машине.

— Что это было? — смутились следопыты.

— Запишите, — повторил Игорь Иванович.

— Она точно знает, — добавил мужчина и побежал догонять родственников.

Прощались с Катей так, словно провожали навсегда. Бабушка только и успевала, что прикладывать платок к глазам. Сегодня это был не просто день отъезда внучки, а эхо памяти минувшего детства. Уже никто из детей Зинаиды Васильевны не сможет претендовать на место самого лучшего внука. После рассказа о событиях 41 года все лавры первенства достались Екатерине. С Григорием Семеновичем, Катя прощаться не пошла, пожалела его сердце. Уже в вагоне поезда Валентина Васильевна вдруг вспомнила о своем подарке для дочери.

— Кать, а серьги где, что я тебе на совершеннолетие дарила?

— Когда голодала, выменяла на хлеб, — призналась дочка. Матери даже стало стыдно, что за сережки спросила. Она прижала к себе Катю и на ушко прошептала: «- Мы тебе еще лучше купим, только больше ни куда не уходи».

— Мам, — приподняла голову девушка.

— Мне бы денег надо перевести, — пользуясь добротой матери, спросила Еремина.

— Кому это? — хотела знать Валентина Васильевна.

— Одному очень хорошему человеку. Он меня от смерти спас.

— Это доктору твоему что ли? Мне бабушка о нем говорила.

— Ему. Он очень старый и бедствует. Книги из своей библиотеки продает, чтобы выжить, — пожаловалась Катюша.

— Ну, конечно поможем. Ты стала такой чуткой, — не отпускала ее мать из своих объятий. Катя прижалась к родительнице. Как хорошо, что они у нее такие хорошие и понятливые. Колеса поезда стучали на стыках рельс, унося Катю все дальше и дальше от города, который за две недели стал ей как родной. Она уже никогда не узнает, что в ночь перед ее отъездом ДОТ «Призрачного лейтенанта» строчил из своих пулеметов целую ночь, будто-бы прощаясь с ней навсегда. Он порядком напугал и водителей и местных жителей.

На следующий год, отложив поездку в Крым на потом, она вернулась в Полоцк. Больше всех ее приезду радовалась бабушка Рая. Не откладывая дело в долгий ящик, Еремина поспешила навстречу с военврачом третьего ранга Ковалем. На ее звонки снова вышла соседка.

— Я к Григорию Семеновичу, — сообщила Катюша.

— Так нет его, — ответила женщина.

— На рынок ушел? — спросила по прошлогоднему шаблону Катюша.

— Его в живых нет. Помер он, — уточнила соседка.

— Как умер? — растерялась Еремина.

— Затосковал бедняга. Ходил, как в воду опущенный и помер.

Катя опустила голову. Значит, это она его убила! Зачем было приходить с этим признанием? Она повернулась и медленно пошла к выходу.

— Постойте, — окликнула ее соседка.

— А это не вы в прошлом году приходили? Что-то знакомое лицо.

— Я, — призналась москвичка.

— А вас случайно не Катей зовут?

— Катей.

— Тогда подождите минутку, — попросила пышнотелая женщина и скрылась в глубине своей квартиры. Вернулась через минуту со знакомой Кате фотографией персонала военного госпиталя № 431, сделанной в огненном 1941 году.

— Не знаю, кем вы ему доводитесь, детей то у него не было, только он всем обитателям дома все уши прожужжал о своей Кате. Катя вернулась, Катя вернулась и так каждый день. Сядет у окна и выглядывает. Весной простудился и заболел. Я его навестить заходила, а он и говорит, мол, не доживу я до лета и своей Кати больше не увижу, ты ей, как она приедет, отдай эту фотографию, она все поймет. Что тут понимать в этом фото? Не знаю.

Катюша взяла фотографию и, прижав ее к груди, двинулась прочь, не разбирая от нахлынувших слез дороги. Вот и все! Не стало дорогого ей человека и в этом виновата она сама. Так хотелось закричать, чтобы выпустить эту боль, засевавшую в груди. Тетке ничего не могла сказать, просто проплакала. Потом от тетки, работающей в городском совете, узнала, что поисковики поставили возле ДОТа скромный обелиск и перезахоронили останки погибших воинов РККА. Власти Полоцка обязались установить в том районе достойный

памятник с указанием фамилий погибших солдат. Среди установленных имен было и имя лейтенанта Володина. С тех пор ДОТ «Призрачного лейтенанта» по ночам больше не стрелял. Катя, чтобы ее поездка в Полоцк не прошла даром, посещала несколько раз с Сашкой, которому исполнилось 18, и он считался взрослым и двоюродной сестричкой Олей, кафе «Белый аист». Даже видела там Виктора, который сделал вид, что они не знакомы. Да и когда ему отвлекаться на Еремину, когда он охаживал очередных счастливицов вытащивших жребий судьбы. Какие желания он им продавал? Наверняка в его ассортименте не было двух одинаковых испытания. Свое купленное желание Катя оплатила с лихвой и сделала серьезный вывод, с которым поделилась и с молодыми родственниками, НИКОГДА И НИЧЕГО НЕ ПОДНИМАЙТЕ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ!

Больше книг на сайте - Knigoed.net